

2 (692) февраль, 2015

УРАЛЬСКИЙ снегони́м

www.uralstalker.com

Жертвы царского указа

ПЕСТРОЦВЕТНАЯ ЯШМА

ПОЛЕВЫЕ СБОРЫ
КАЗАЧЬЕГО ДОЗОРА

ЮБИЛЕЙНЫЙ ЛЁД

Февраль 2015

Главный редактор – М.Ю. Фирсов.

Редакторы разделов –
Ю.А. Горбунов, Б.А. Долинго.

Литературный консультант –
В.Э. Абоян, А.А. Бочаров.

Худ. редактор, верстка – С.А. Секисов.

Набор – В.М. Кадочникова.

Корректор – Л.В. Ким.

Интернет – Е. Марков.

Фото на 1 стр. обложки: Музыкальный мастер Эдуард Соколов. Автор фото Евгений Тамплон.

Редакция, издатель – общественная организация «Трудовой коллектив редакции журнала «Уральский следопыт».

Редакционный совет –
Владислав Крапивин, Сергей Казанцев,
Геннадий Прашкевич, Олег Поскребышев,
Юрий Казарин, Вадим Осипов,
Сергей Лукьяненко, Василий Головачев.

Наблюдательный совет –

- Сергей Захаров, Председатель Челябинского ро РГО
- Алексей Прокашев, Председатель Кировского ро РГО
- Иван Рысин, Председатель Удмуртского ро РГО
- Игорь Кузнецов, Председатель Ученого Совета ро РГО в ЯНАО
- Сергей Ларин, Председатель Тюменского ро РГО
- Николай Назаров, Председатель Пермского ро РГО
- Александр Чибилев, Председатель Оренбургского ро РГО
- Дмитрий Шиллер, Председатель отделения РГО

в республике Татарстан

- Борис Тканев, Председатель отделения РГО в ХМАО
- Виктор Христинюкский, Председатель Курганского ро РГО
- Михаил Горюнов, Председатель Свердловского ро РГО
- Виталий Лажнецв, Председатель

Коми республиканского отделения РГО

- Камилл Зиганшин, Председатель отделения РГО

в республике Башкортостан

- Виктор Байдуков, Свердловское отделение РГО

© ООО «УРАЛЬСКИЙ СЛЕДОПЫТ». 2015 г.

Адрес учредителя: г. Екатеринбург, ул. Тургенева, 13.

Почтовый адрес редакции, издателя:

620075, г. Екатеринбург, ул. Тургенева, 13.

Телефон: +7 (343) 295-61-27

E-mail: uralstalker@mail.ru www.uralstalker.com

«Уральский следопыт», №2 (692), 2015.

Издается с 1935 г., возобновлен в 1958 г.

Учредитель – ООО «Уральский следопыт».

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций по РФ Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-37218, выдано 18.08.2009 г.

ООО «Уральский следопыт» обладает исключительным правом на логотипы и название журнала. Материалы принимаются по электронной почте, на электронных носителях CD, DVD, флеш-картах). Обязательно прилагать информацию об авторе, указывать согласие на публикацию в журнале, на сайте журнала, корректурскую и редакционную правки. Автор несет ответственность за предоставление материалов и иллюстраций, обремененных правами третьих лиц. **Рукописи не рецензируются и не возвращаются.** При отправлении электронных сообщений обязательно заполнять поле **тема**. Любое использование материалов журнала допускается только с письменного согласия ООО «Уральский следопыт». Ссылка на журнал «Уральский следопыт» обязательна. Материалы помеченные знаком публикуются на правах рекламы.

Уважаемые читатели, оформить подписку на журнал «УРАЛЬСКИЙ СЛЕДОПЫТ uralstalker.com» вы можете через:

- Почтовые отделения России, каталог Агентства «Роспечать», индекс 73413
- Агентство «УРАЛ-ПРЕСС» в Уральском регионе
- Агентство «МК-ПЕРИОДИКА» в России
- Агентство альтернативной подписки ООО «ИНТЕР-ПОЧТА» в России, странах ближнего и дальнего зарубежья

Встречный ветер

Камни Урала
А. ПУДОВКИН
Новотуринские проявления 9

Фотолетопись

А. СЕЛЕЗНЕВ
Главный Уральский хребет 24

Быть молодым — здорово!

И.АРТЮХИН
Казачий Дозор 32

Наши проекты

Юбилейный лед.....3

Страна топонимия
М.ГИМАДИЕВ
Загадка Подволошной 22

Быть молодым — здорово!

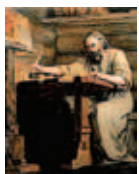
Т. ХАСАНОВА
Питание в горном марафоне..... 38

Река времени

Тропой поиска

Э. СОКОЛОВ
Были
«рад скомрах о своих домрах»? ... 12

Верхотурские были-небыли
Ю.ГОРБУНОВ
Обитель. Семейка Пинежанин..... 30

История России. Река Чусовая

В. ТРУСОВ
Деревня Подволошная 18

Давным-давно
С.ПУДОВ
Гибель шхуны «Ермак». Стойбище..... 42

Журнал в журнале

Элита

◀ Алена Власова

ЮБИЛЕЙНЫЙ

ЛЕД

Наступивший 2015 год для «Уральского следопыта» — юбилейный. 80 лет назад была собрана команда единомышленников, которые приступили к изданию в Свердловске нового молодежного журнала. В его основе были приключения, путешествия, так близкие молодому поколению и сегодня. Изменились, возможно, снаряжение, инструменты, способы покорения неизведанных мест, но тяга к соревновательности сохранилась.

СВЕРДЛОВСКАЯ
ОБЛАСТЬ

▲ Тренер школы горных видов спорта Иванов

▲ Судья Валерий Першин дает старт

Молодежный фестиваль «Ледовый шторм», проводимый журналом каждый год на центральной площади Екатеринбурга, встретил молодых участников традиционно в главном Ледовом городке уральской столицы. Тема нового годного городка определена строчками из знаменитой песни «Катюша»: «Расцвели яблони и груши». Исполнительный директор «Дирекции городских праздничных мероприятий» Илья Марков отметил, что композиция посвящена 70-летию победы в Великой Отечественной войне. Ледяные стены по периметру городка выполнены в виде георгиевских ленточек. Поменялась в этом году и концепция городка. Если раньше он строился из расчета на любителей покататься с горок, то теперь это, скорее, созерцательный объект: скульпторы изваяли 6-метровые фигуры, которые отгородили для более удобного осмотра. Правда, горок, так любимых детворой, практически не осталось. Любители искусства могли увидеть картинную галерею с репродукциями работ о победе в Великой Отечественной

войне и посетить павильон с интерактивной световой инсталляцией.

Но руководитель постройки городка Николай Иванович Наумчук не оставил альпинистов без вершины. Буквально накануне над городком вознесся ледяной шпиль — стена из блоков шириной два метра и высотой двенадцать казалась парящей над стилизованной Брестской крепостью и аттракционами. Спасибо строителям, постарались на совесть. Ведь при отсутствии высоких конструкций основная нагрузка легла именно на нее. Трассы и на скорость, и на трудность. Максим Михайлов как постановщик трассы постарался сделать маршрут на трудность максимально заковыристым: участникам приходилось огибать башню на 270 градусов и возвращаться обратно, преодолевая углы.

Но прежде, чем выйти на финальные забеги, все спортсмены попробовали свои силы на квалификационной дистанции. Девушкам 50-метровую стену, огораживающую Главную Елку, требовалось пройти быстрее, чем за три минуты, а для молодых людей время ограничено двумя минутами. Стена высотой в два с половиной метра выполнена ажурной вязью. Поэтому, ког-

да отбор начал проходить мастер спорта Сергей Дашкевич, полетели не только ледяные брызги от врывающихся кошек. Ледовые крючья, айс-фи-фи, начали вырывать блоки, составляющие стену. Конечно, в первую очередь обеспечили страховку, но главному судье Валерию Першину приходилось нелегко: и отслеживать прохождение спортсмена, и контролировать состояние трассы. Следующим спортсменам пришлось сложнее, ведь высота стены уменьшилась, приходилось местами проходить на полусогнутых ногах и руках, чтобы не задеть землю и не получить дисквалификацию.

Отметим, что стена отборочно-го этапа недолго олицетворяла стойкость советского народа в Великой Отечественной войне непокоренными полуразрушенными бастионами. Ребята вначале аккуратно отодвинули вывалившиеся блоки. Затем, используя в качестве схватывающего раствора обычную воду, из блоков как пазлов вместе с работниками городка сложили стену в первозданном виде. И только следы от кошек на уровне колен напоминали о прошедшем недавно здесь ристалище. Тема Ледового городка раскрыта полностью!

▲ Участник из Тюмени — Никита Костецкий

▲ Дистанция «туризм»

▼ Участница готовится к старту

▼ Традиционный самовар клуба туристов

▲ Кругосветка вокруг елки

◀ Срыв

▲ Самый возрастной участник

Финальные старты проходили уже при вечерней иллюминации. Зрителей стало значительно больше, с расстояния болели страстно, и альпинисты, вышедшие в финал, покоряли высоту почти без срывов.

Представители Центра туризма и краеведения из Тюмени показали отличные результаты: Ратмир Мухаметзянов стал «вторым» в дисциплине «трудность» и абсолютным победителем в дисциплине «скорость». Никита Костецкий, победитель первенства России 2014, оказался на тре-

теем месте по прохождению препятствия на время. В женских состязаниях самой быстрой спортсменкой была Юлия Каплина.

Зато в категории «трудность» среди девушек первой оказалась Алена Кочебаева, вторая — Екатерина Новоселова. Здесь хочется отметить, что через день, после Ледового Штурма, Максим Михайлов как тренер повез своих воспитанников на Первенство Мира по ледолазанию. Медали разыгрывались в двух дисциплинах — лазание на трудность и лазание на ско-

рость. Спортсменки из Екатеринбургa завоевали четыре медали:

- **трудность:** U-19 «золото» — Екатерина Новоселова, U-22 «серебро» — Алена Кочебаева,

- **скорость:** U-19 «бронза» — Екатерина Новоселова, U-22 «бронза» — Алена Кочебаева.

Такие получились показательные старты на Ледовом штурме среди уральских ледолазов!

Наряду с альпинистами и ледолазами к проведению этого уникального мероприятия впервые

▲ Все победители «Ледового штурма» и тренер

◀ Фигуры городка

▼ Алена Кочебаева

подключились и туристы МАУ «Спортивно-туристский клуб города Екатеринбурга». Их задачей было организовать и провести соревнования по спортивному туризму для всех желающих в Ледовом город-

ке. Руководителем туристской фирмы «Байкал-тур» Георгием Врублевским была подготовлена небольшая дистанция по преодолению препятствий: несколько видов переправ, в том числе по качающемуся брев-

▼ Георгий объясняет, как проходить трассу

▲ На стене крошился лед

ну, подъем и спуск по веревке, передвижение по параллельным перилам. Участниками этих интересных соревнований стали жители и гости нашего города от 6 до 55 лет, пришедшие посмотреть на «Ледовый штурм» и самую большую елку нашего города. Каждый сумел прео-

▶ Главный подготовщик проходит трассу

▼ Зрители — посетители городка

▲ Георгий страхует прохождение дистанции «туризм»

долеть дистанцию в силу своих возможностей, но все получили небольшие сувениры и подарки от туристского клуба и редакции журнала «Уральский следопыт». Судил эти небольшие соревнования звездный состав — четыре судьи Всероссийской категории во главе с Андреем Яговкиным.

Так начался юбилейный, 2015 год. Друзья и читатели «Уральского следопыта» приняли участие в «Ледовом штурме!» **УС**

▼ Сергей Дашкевич крушит стенку

Новотуринское проявление пестроцветной яшмы на Среднем Урале

Яшмовый пояс Урала — цепочка месторождений и проявлений, протягивающаяся по восточному склону Уральских гор и приуроченная к так называемому Тагило-Магнитогорскому прогибу, сложенному

в основном вулканогенными породами. Протяженность пояса около 1200 км от северных территорий Свердловской области до Казахстана (Анастасьевское проявление в 40 км на юг от г. Орска).

В Кадастре, составленном геологами объединения «Уралквцсамоцветы» на 1981 год, учтено 204 месторождения яшмы. Основные запасы этого поделочного камня сосредоточены на Южном Урале, в Башкирии и в районе города Орска Оренбургской области. Северные районы яшмового пояса бедны яшмой. В Туринском районе яшмового пояса (бассейн реки Туры от г. Кушва до г. Верхотурье) находки небольших кусков яшмовой породы случаются довольно часто в речных отложениях и в коренном залегании среди вулканических пород, но практического значения не имеют и используются как коллекционный материал. Отношение к туринским яшмам изменилось после открытия в 1993 году Р. Н. Уразовым нового проявления пестроцветной яшмы.

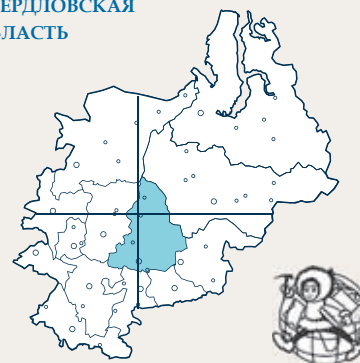
На рынке появились изделия — бусы, сувениры, галтовка из яшмы с изумительными декоративными свойствами (рис. 1). Находкой Рафиля заинтересовались его коллеги по каменному делу. В 90-е годы народ ринулся в камнерезное искусство. Создавались

мастерские, для которых, естественно, нужно было сырье, и желательно эксклюзивное. Местные начинающие камнерезы прочесывали окрестности, пытались найти место, откуда Уразов брал яшму, но безуспешно.

Рафиля Уразов сообщил мне о своей находке, принес посмотреть образцы, но яшмовое проявление обещал показать потом, когда вывезет нужное ему количество сырья.

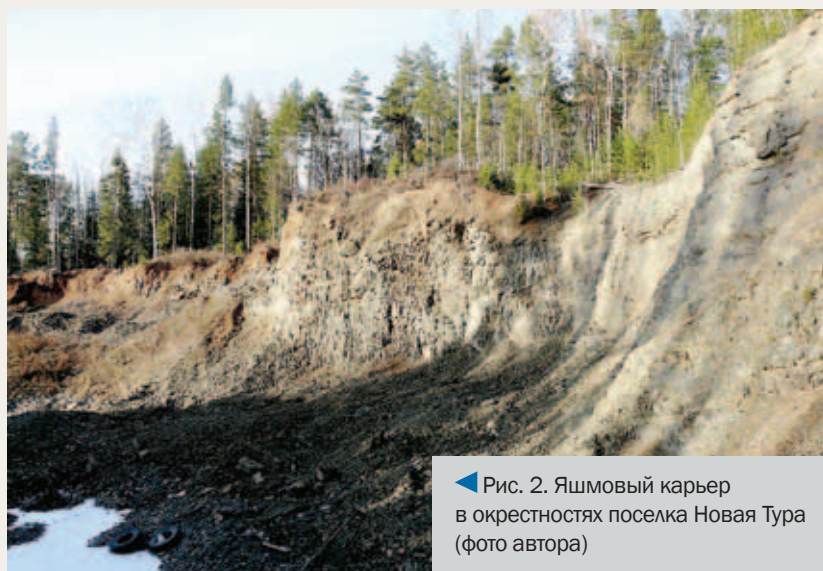
В 1996 году в районе поселка Новая Тура я проводил со студентами практику. Один из любопытных и наблюдательных студентов принес однажды в полевой лагерь цветной камешек, который подобрал на дороге. В камне я сразу узнал яшму Уразова. Дальше все было просто — узнать, из какого карьера отсыпалась дорога, и обследовать этот карьер. На следующий день мы обнаружили яшмовую линзу, в основном уже разработанную Уразовым, набрали образцов для своего геологического музея, учебных коллекций и сырья для сувениров. Тайну Уразова я хранить не стал, и уже через несколько ме-

СВЕРДЛОВСКАЯ
ОБЛАСТЬ

Александр Пудовкин

Преподаватель Исовского геологоразведочного техникума, г. Нижняя Тура.

◀ Рис. 2. Яшмовый карьер в окрестностях поселка Новая Тура (фото автора)

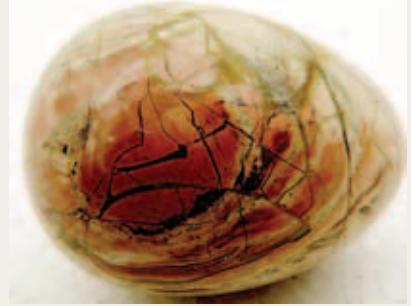
▼ Рис. 1а. Изделия из новотуринской яшмы (фото Р. Уразова). Бусы

▼ Рис. 4. Полосчатая яшма с наложенными кварцевыми прожилками (фото Р. Н. Уразова)

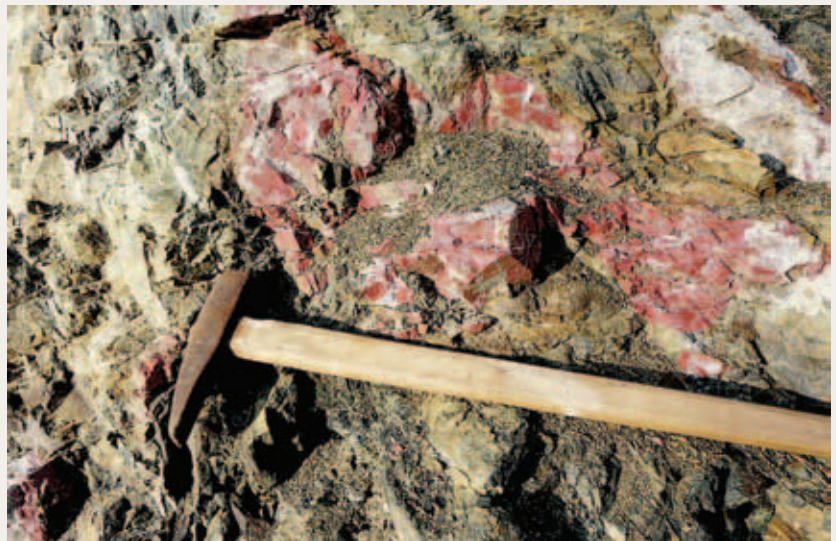
▼ Рис. 16. Изделия из новотуринской яшмы (фото Р. Уразова). Яйцо 60x45 мм

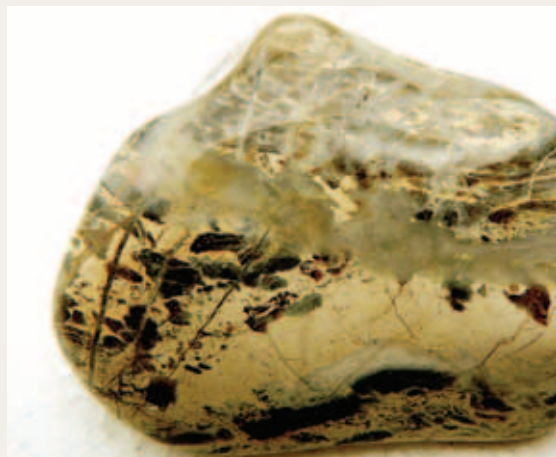
▼ Рис. 3. В стенках карьера еще можно найти яшму (фото автора)

▲ Рис. 1в. Изделия из новотуринской яшмы (фото Р. Уразова). Ваза 450x220 мм

▶ Рис. 1г. Изделия из новотуринской яшмы (фото Р. Уразова). Галтовка 85x76 мм

Рудопроявление яшмы Новотуринское находится в 7 км на северо-восток от г. Нижняя Тура Свердловской области. Это небольшой карьер, найти который можно, свернув с Серовского тракта в пос. Новая Тура (рис. 2). От перекрестка до карьера 150 метров. В карьере разрабатывается щебнистая кора выветривания вулканогенных пород павдинской свиты. Яшмовая залежь располагалась в центральной части карьера (рис. 3). На юго-восток она «тупо» обрывалась, приближаясь к поверхности, на северо-запад яшмовое тело выклинивалось и уходило в борт карьера. Размеры и форма залежи точно не зафиксированы. Яшма залегала в виде линзы с пологим падением на запад. Мощность яшмового тела до 2,5 метра в центральном раздвиге, длина по простиранию до 20 метров, по падению

до 10 метров. Яшмовое тело не имеет четких прямолинейных границ с вмещающими его вулканическими породами — андезитами. Запасы яшмы составляли приблизительно 20–25 куб. метров, в том числе пестроцветной высокого качества до пяти кубометров.

В образовании новотуринских яشم можно предположить несколько основных этапов:

саяцев все, что можно было добыть в карьере, исчезло. Дальнейшая разработка карьера дорожниками и строителями время от времени вскрывает остатки линзы на ее выклинивании. Подобные яшмовые проявления не имеют больших запасов. Но не исключена возможность обнаружения поблизости новых линз. Проявление названо Новотуринским, потому что находится оно в окрестностях пос. Новая Тура. Имелось в виду также, что это проявление — новая яркая страница в истории яشم Туринского района. Проявление зафиксировано в списке и на карте полезных ископаемых при подготовке к изданию Государственной геологической карты листа 0-41-У11 в рамках проекта ГДП-200.

- Осаждение кремнистого вещества, насыщенного гидроксидами железа в пустотах вулканической лавы с образованием слоистой текстуры;

- Метаморфические преобразования, в том числе и дробление кремнистого слоистого осадка совместно с вулканическими породами;

- Гидротермальные метасоматические процессы с образованием пестроцветной яшмы и кварцевых, кварц-карбонатных прожилков и скоплений на заключительной стадии.

Декоративные свойства новотуруринской яшмы весьма оригинальны, ее не спутаешь с яшмами других месторождений. Разнообразие текстурных особенностей развивается на фоне слоистой (полосчатой) текстуры с наложенными на нее ветвящимися кварцевыми прожилками (рис. 4).

Тонкоплюсчатые и полосчатые красно-черно-белые участки новотуруринской яшмы частично брекчированы (раздроблены) и сцементированы тонкозернистым, как бы перетертым агрегатом той же яшмы и кварц-карбонатным зернистым агрегатом, рисунок при этом четкий, контрастный в отличие от яшм других месторождений с брекчеевидной текстурой (рис. 5).

Флюидальная текстура представлена изгибающимися прерывистыми струями различного цвета, что очень напоминает рисунок мелкомасштабной геологической карты региона (рис. 6).

В новотуруринских яшмах встречаются участки с концентрической текстурой, похожей на текстуру «рыбьей чешуи», которой славятся орские яшмы.

Таким образом, новотуруринская яшма несет в себе так или иначе проявленные основные художественно-декоративные текстурные качества: слоистость (полосчатость), контрастную брекчеевидность, флюидальность, концентричность и пятнистость, что в сочетании с богатой цветовой палитрой делает ее превос-

▼ Рис. 5. Яшма с брекчеевидной текстурой (фото автора)

ходным поделочным и ювелирно-поделочным камнем.

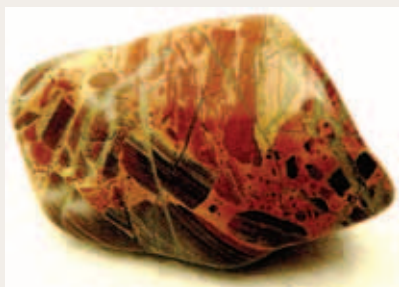
Как у любого цветного камня, у новотуруринской яшмы есть изъяны. Прежде всего, это сравнительно высокая трещиноватость породы и карбонатные включения и прожилки. В некоторых случаях яшма пилится легче обычной и окрашивается при пилении промывочную жидкость в красный цвет.

Написать эти заметки меня побудило трепетное отношение к цветному камню, особенно к яшме. Побывав на многих месторождениях, распилив множество образцов, я так и не составил своей коллекции, о чем сейчас жалею. Много лет у меня перед глазами стоит образец орской яшмы с совершенно четким рисунком: над пенящимся горным потоком среди мрачных скал висит канат, на котором, как на качелях, сидит девушка. В камне «прописано» лицо, белокурые волосы, руки помогают держать равновесие, из-под длинного сарафана выглядывают каблучки туфель. Этот образец продолжительное время стоял на книжной полке и радовал меня лишь пестрой окраской. Пейзаж на камне мне открыл один из моих приятелей, далекий от геологии и камнерезного дела. Потом образец куда-то бездарно пропал. Пейзажные участки в новотуруринской яшме не редкость и во многих случаях, на мой взгляд, колоритнее, чем в яшмах горы Полковник. Продолжая понемногу пилить новотуруринскую яшму, я в глубине души надеюсь открыть однажды свою каменную картину.

Прошлой осенью мы решили навестить яшмовый карьер. Он увеличился в размерах, но стал «пустым». Только в северном борту обнажились жалкие остатки яшмового тела.

Наблюдая за работой студентов, которые собирали кусочки оставшейся яшмы, я вспомнил поездку в Якутию к Володе Тарасову. Он в конце 80-х руководил геологоразведочными работами на Мурунском месторождении чароита. Мы бродили по склонам Мурунского хребта, собирали коллекцию разновидностей чароита, а когда присели отдохнуть на остатках «обгрызанной» со всех сторон знаменитой «якутской глыбы», Володя размечтался: «Хочу пробить в горе штольню, отполировать ее стенки, устроить в ней музей чароита в естественном залегании...». **УС**

▼ Рис. 1д. Изделия из новотуруринской яшмы (фото Р. Уразова). Галтовка 51x31 мм

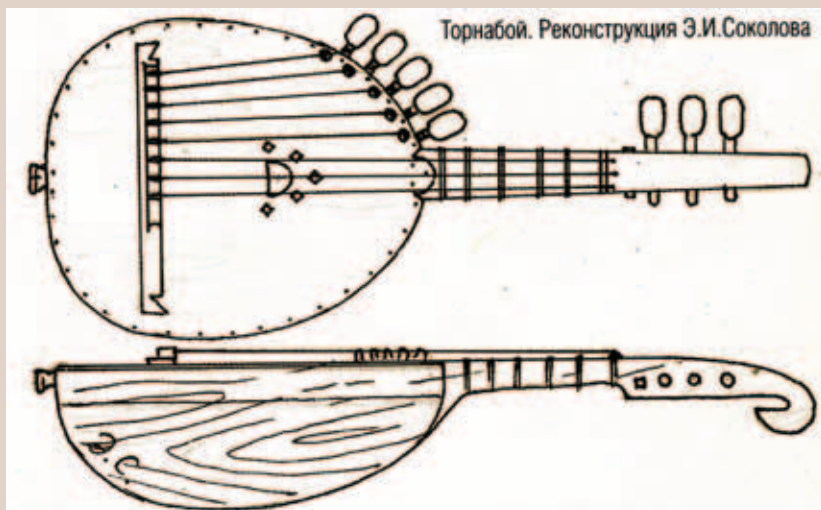

▶ Рис. 6. В новотуруринской яшме замечена геологическая карта Урала (фото автора)

50-летию кафедры народных инструментов Уральской государственной консерватории им. М. П. Мусоргского посвящаем

Были ли «рад скомраха о своих домрах»?

СВЕРДЛОВСКАЯ
ОБЛАСТЬ

Эдуард Соколов

Музыкальный мастер Уральская государственная консерватория (академия) им. М.П. Мусоргского. Выпускник УЛТИ 1981 г. Автор ряда публикаций, посвященных струнным музыкальным инструментам в сборниках и российской периодике. Живет в Екатеринбурге.

Надежда Жихарева

Солстка ансамбля «Изумруд» (домра) Свердловского академического театра музыкальной комедии. Лауреат международных и всероссийских конкурсов, европейских музыкальных фестивалей в Германии, Испании, Франции. Лауреат премии губернатора Свердловской области. Живет в Екатеринбурге.

► Домра 4-струнная.
Мастер И. В. Емельянов

◄ Царь Алексей Михайлович

Первые сведения о струнных инструментах, аналогичных домрам, на Руси относятся к 903–912 годам —

ко времени до крещения Руси и принятия христианства.

Назывались ли они «домрой», нам теперь неизвестно.

Что мы знаем о домре

То, что домра в XVI–XVII столетиях была на Руси одним из самых распространенных инструментов, это общепризнанный факт, отмеченный во всех исследованиях о древнерусской домре. Пословица «рад скомраха о своих домрах» сложена во времена широкой популярности у населения России этого музыкального струнного щипкового инструмента о четырех (а также пяти и шести) жильных струнах с короткой шейкой грифа и округлым корпусом.

Однако, с точки зрения царствующей династии Романовых, в лице «Великого Государя и царя Алексея Михайловича всея Великия и Малыя и Белья России самодержца» (1645–1676) и Русской православной церкви — игра на домре и других «гудебных бесовских сосудах», «орудиях песен сатанинских» и «богомерзких игрищ» была серьезным преступлением. Об этом говорят царские Указы 1648-го и более поздних, до 1657-го, годов. «Не только за игру, но даже за хранение домры грозила тюрьма, ссылка и другие суровые наказания» (М.И. Имханицкий).

В результате скоморохи, носители языческих традиций и древнерусского репертуара, эти профессиональные музыканты средневековой Руси, оказались вне закона, стали гонимыми и попираемыми в правах. Последствия были таковы, что в России на рубеже XVII–XVIII веков не было уже ни скоморохов, ни домр. На два с половиной

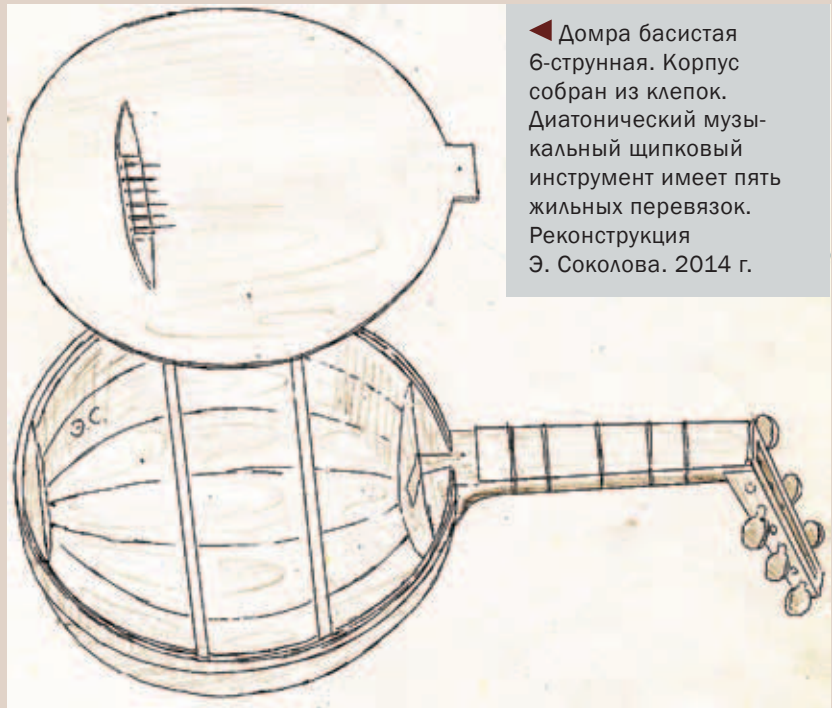

столетия слова «домра» и «домрачей» ушли из словесного лексикона россиян.

О домре вспомнили лишь в конце XIX века, когда В.В. Андреев создавал свой «Великорусский оркестр» народных инструментов. Искали по городам и весям России старинные экземпляры домр, гудков — не нашли. Искали изображения этих инструментов в старинных книгах — безрезультатно. Встречались только упоминания, что были эти инструменты — и более ничего. Тем не менее из скудных отрывочных сведений удалось составить некий «фото-робот» бесследно исчезнувшей домры, выявив некоторые ее характерные конструктивные черты.

Инициатором идеи возрождения домры как важнейшего инструмента русского народного оркестра был А.С. Фаминцын (1841–1896). В реконструкции трехструнных домр деятельно участвовали: мастер С.И. Налимов (1857–1916), изготовивший в 1896 году первые экземпляры домр, и Н.П. Фомин (1864–1943), автор реконструкции строя современной малой трехструнной домры, а также альтовой и басовой домр, он же автор рациональных мензур этих музыкальных инструментов. Струны — стальные.

В 1907 году Г.П. Любимов (1882–1934) выдвинул идею создания четырехструнной домры-прима со скри-

◀ Домра басистая 6-струнная. Корпус собран из клепок. Диатонический музыкальный щипковый инструмент имеет пять жильных перевязок. Реконструкция Э. Соколова. 2014 г.

пичным строем. Идею в 1908 году реализовал в первых инструментах московский мастер С.Ф. Буров. Затем были разработаны четырехструнные тесситурные разновидности домр: пикколо, прима, альт, тенор, бас. Струны также стальные.

Так начиналось возрождение, а точнее сказать, новое рождение современной домры. Ныне это оркестровый набор — от домры-пикколо до домры-контрабас. Их тесситуры для трехструнных домр: пикколо, малая, альт, бас, контрабас. Для четырехструнных домр: пикколо, прима, альт, тенор, бас, контрабас. Это инструменты пяти категорий качества звучания, рассчитанные на выступления в крупных концертных залах. Четко установлен строй каждого инструмента. Для домр и домровых составов имеется многочисленный концертный нотный репертуар — заново сложившаяся в XX столетии современная трехступенчатая школа обучения и исполнительства.

Но был, повторим, двухсотпятидесятилетний перерыв, когда репертуар и традиции исполнительства и изготовления домр были утрачены. Казалось, что канули в Лету не только сами инструменты (домры), но даже их изображения.

Ныне «портреты» найдены! Есть возможность сравнить, насколько отличаются современные домры от тех утраченных скоморошских домр XVII века. Этому способствовали книги профессора Российской Академии Музыки им. Гнесиных М.И. Имханицкого: «История исполнительства на русских народных инструментах» (М., 2002)

и «Становление струнно-щипковых народных инструментов в России» (М., 2008). Впервые были опубликованы древние миниатюры — иллюстрации из рукописных книг XVI–XVII веков, на которых изображены домры тех времен.

Вот реферативный обзор одной из глав книги «Становление струнно-щипковых народных инструментов в России» с некоторыми комментариями. Исследуя изданные материалы (печатные издания давних лет), ученые не обнаружили изображений домр. Но в XVI–XVII веках таких изданий было немного. «Несравненно большее развитие в тот период получило искусство иллюстрации рукописных книг, преимущественно церковных. А именно: «лицевых» рукописей — иллюстрированных псалтырей, евангелий, хронографов и т.п.». Имханицкий сделал верный вывод: искать изображения древнерусских домр надо не в печатных источниках, а в рукописных. Именно они, как оказалось, содержали немало художественных миниатюр с изображениями русских народных инструментов, в том числе и рисунки домры.

Древнерусская домра существовала тогда в двух вариантах: «домришко» — малая домра, по мнению Имханицкого, «чрезвычайно близкая к современной андреевской домре»; и «домра басистая большая», представляющая собой разновидность лютни — многострунного инструмента с большим корпусом, коротким грифом и отогнутой назад головкой. Игрок на домре звался «домрачеем». Домра басистая имела большой округлый корпус. Вот почему, по сви-

детельству иностранцев, путешествовавших или живших в России в то время, такой инструмент они называли «плотней».

«Домришко» — четырехструнная домра с округлым корпусом небольшого размера — имела короткий, достаточно широкий гриф. Имханицкий обнаруживает «паразитическую схожесть домр с современными, имеющими в данном случае не овальный, а круглый корпус и небольшой гриф».

В «Псалтыри толковой» древнерусский живописец в окружении царя Давида поместил музыкантов, в том числе двух домрачеев, играющих на домрахе разного размера — басистой и домришке. Автор привел 7 иллюстраций из разных рукописных источников XVI–XVII веков. На всех изображены «домрачеи», а также музыканты других профессий: рожечники, органисты, «пышники» (гудошники), «бубники» (ударные — на бубне), сурначеи, гуслиры. «Анализ рисунков (прорисовка рук музыкантов при игре) позволяет утверждать, что звук на домре извлекался зацепыванием струн пальцами правой руки либо бряцанием — ударами указательным пальцем правой руки по всем струнам одновременно. Иногда играли и специальной пластинкой — плектром».

Анализируя миниатюры, Имханицкий делает вывод: «Старинная русская домра XVI–XVII столетий использовалась в совместной игре с другими инструментами, т.е. она предназначалась для коллективного музицирования, ансамблевой игры».

Количество струн (на рисунках) на «домришке» — четыре. На домре большой «басистой» встречаются

ся варианты: четыре, чаще пять, иногда — шесть струн. Струны были жильные, разных диаметров. Они сматывались кольцами в моток (бухту). Причем в бухте было до десяти и более метров однородной жильной струны. От этой бухты музыкант при замене струн по мере надобности отрезал кусок нужной ему длины.

У всех современных домр, трех- и четырехструнных, разных тесситур (размеров) — струны стальные. Басовые струны имеют канитель, навивку из медной калиброванной проволоки на стальную основу — керн. Изобретенные в XIX веке, металлические колковые механизмы облегчают настройку струн. Они сразу же стали элементами новой конструкции современных домр.

В этом их принципиальное отличие от старых. Современные домры-примы

имеют до 29 ладов. Каждый размер (тесситура) современных домр имеет жестко фиксированный строй. Настройка ведется по камертону. Современные темперированные инструменты рассчитаны на концертные выступления в составе ансамблей либо народного оркестра в крупных залах. В таких залах домра XVI–XVII века не прозвучит. У нее жильные струны слабого натяжения и корпус из иных пород. Колки деревянные. Старинная домра — инструмент камерный. Ее удел — звучать в небольших помещениях для небольшого числа слушателей (20–50 человек).

Старинная домра — инструмент диатонический, имевший до пяти жильных перевязок вокруг шейки грифа в нужных музыканту позициях. О 24 тональностях домрачеи того времени и понятия не имели, как и о со-

◀ Домра басистая 5-струнная. Корпус с плоским дном. Контробечайки внутренние. Внутри три поперечные пружины. Безладовый музыкальный инструмент. Реконструкция Э. Соколова. 2014 г.

◀ Домришко (домра малая 4-струнная). Корпус долбленный. Собран на сапожных гвоздях. Реконструкция Э. Соколова. 2014 г.

Фрагмент миниатюры в увеличении. На переднем плане два исполнителя с домрами различной тесситуры

Музыканты царя Давида. Надпись над изображением исполнителя с лютневидной домрой «Лик домер». Из «Псалтыри толковой» Ипатьевского монастыря в Костроме (1654 г.)

временной температуры. О камертоне тоже слыхом не слыхивали. Возможности древнерусской домры скромны и ограничены. Какая уж тут «поразительная схожесть»? В чем? Разве что в очертаниях деки. Но, может быть, домры XVI–XVII веков были безладовыми инструментами? И на них, как на арабских удах, играли музыку четвертьтоновую? Тогда версия о «поразительной схожести» окончательно отпадает. Это совершенно иной инструмент. Кстати, на всех миниатюрах у домр ладовые перевязки отсутствуют. Их почему-то не нарисовали. Так, может быть, их и не было?

По изображениям домр, приведенных в книге Имханицкого М.И., сложно определить, какой конструкции были их корпуса — долбленные или клеенные из клепок. Если из клепок, то какое их число было тогда традиционным? Тем более неведома внутренняя конструкция этих инструментов.

Из-за упрощенной прорисовки домр древними живописцами нет на изображениях и наружных деталей, свойственных конструкциям современных домр: голосников и розеток, панцирей, верхних порожков у головки грифа, колков. А может, не все детали тогда и были? Подставки прорисованы условно и порой имеют странную форму. Струны начинаются от подставок, а не крепятся к нижней кромке корпуса (как у современных домр). Это говорит о том, что у древних домр подставка приклеивалась к деке. А значит, склеивание деревянных деталей широко применялось в старинных технологиях изготовления музыкальных инструментов.

Кстати, прорисовка голосников отсутствует и на других музыкальных инструментах, изображенных на миниатюрах: гудки, гусли... Если же судить по археологическим находкам гудков в Великом Новгороде — голосники на гудках были и в те времена, и в более ранние. Это невероятно, но на миниатюрах нет изображений лирообразных гуслей с игровым оконцем (новгородского типа), а также изображений новгородских скоморошских гудков. Почему? Ведь археологи находили эти инструменты. И находки достаточно многочисленны, чтобы судить о конструкциях и музыкальных возможностях гудков и гуслей, найденных в землях Великого Новгорода.

А вот инструменты, в том числе домры, псалтыревидные 12-струнные гусли, 4-и 5-струнные гудки с корпусом в форме восьмерки, что изображены на миниатюрах, археологи в Новгороде и других землях не обнаружили. Почему? Может быть, конструкции му-

Музыканты царя Давида с изображением домрачей, играющего на танбуриной домре. Из лицевой псалтыри второй половины XVI века Чудовского кафедрального монастыря (1556—1566 годы). ГИМ, отд. рукописей. Чуд., 56 [3], л. 18 об.

зыкальных инструментов развивались и видоизменялись? И в XVI–XVII столетиях они были уже, очевидно, иными, чем в XI–XIV веках? А может быть, музыкальная культура Великого Новгорода и Московской Руси — две большие разницы?

И откуда взялась балалайка? Это что, ответ скоморохов и русских мастеров на царские указы 1648–57 годов? Вы нам — запреты, а мы вам — инновации!?

А может, нам в этот кризисный период помогли татары, подкинув на Русь конструкцию музыкального инструмента, которая под Указы не попадала? Такая вот загадка истории. Балалайка после Указов 1648–57 годов выпрыгнула, как чертик из табакерки.

О жильных струнах

Современному музыканту, в том числе домристу, неведомо уже, что такое жильные струны. Но поскольку

традиция их применения исчисляется, вероятно, тысячелетиями, о них стоит вспомнить и рассказать подробнее.

Жильные струны ведут свою «родословную» от жильной тетивы древних охотничьих и боевых луков. Традиции их изготовления оказались очень живучими. У таежных охотников Урала и Сибири еще в XIX веке тетива охотничьего лука изготавливалась из скрученных толстых оленьих жил. Настоящие жильные струны на Урале и в Сибири применялись коренным населением до рубежа XIX–XX веков, их ставили на нерп, нарсюх, хотол — иив. Но из жил можно получить малый выбор диаметров струн. К тому же изготовитель музыкальных инструментов ограничен длиной исходного материала, струну ведь не свяжешь из двух кусков. Потому очень давно эту проблему решили, начав делать струны из кишок животных — ведь они имеют длину в несколько метров, некоторые бо-

лее десяти. С кишок снимали наружную и внутреннюю оболочку — ткани, оставляя однородную срединную ткань. Ее вымачивали в специальных растворах, потом подсушивали и резали вдоль на длинные ровные полосы. Выбрав нужную ширину полосы, скручивали, вытягивали, сушили, получая необходимый диаметр струны. Струны научились делать ровными (калиброванными по диаметру) по всей длине. Правильнее было бы именовать их «кишечными», так как последние пять столетий струны делали из кишок животных (коров, овец, верблюдов, лосей, оленей...). Технологии их изготовления давно известны в Европе, Индии и в Сибири. Но название традиционно сохранялось старое — жильные струны. Технологии были сложны, отработаны веками. Процесс изготовления длился несколько недель. Требовал квалификации, знаний и умения. Поэтому струны получались достаточно дорогими. Из записей Потешной палаты: «13 декабря 1635 года дана гривна домрачею Лукашу слепому на струны». А Гривна в середине XVII века — большие деньги. Жильные струны продавались по диаметрам, бухтами (мотками) — на рынке в домерном ряду.

Музыканты жаловались, что жильные струны не практичны. Струна служила чуть больше недели, а потом либо расслаивалась, либо рвалась. Если попадался неудачный, с незаметным изъяном, неоднородный участок струны, настроенная струна фальшивила. Тем не менее, звучание жильных струн было более «живое» и «нежное», чем у современных синтетических.

Тонкие металлические стальные струны, появившись в России в XIX веке, частично потеснили на рынке жильные. Басовые струны иногда делали навивными: kern — шелковые нити, канитель — калиброванная медная, латунная, иногда серебряная проволока.

Во второй половине XX века в мире осталось очень мало фабрик, что продолжали делать жильные (кишечные) струны. Сейчас они стоят дорого, но так же непрактичны, как и в XVI–XIX веках.

Этапы истории исполнительства на домре

1. Домра, старые конструкции с 903 по 1648–57 гг.: Бесписьменная традиция исполнительства. Диатонические лады. Старый репертуар, складывавшийся веками. Старая народная школа исполнительства. Ансамбли смешанного типа. Жильные струны. Выступления перед небольшой аудиторией — до 20–50 человек. Камер-

ные инструменты: домришко малая и домра большая басистая. Профессии: домрачей, скоморох, гуслиар, гудошник и др. — только мужские. Примеч.: в XVI–XVII столетиях слово домра произносили с ударением на последнем слоге. В XX–XXI веках произносят с ударением на первом слоге.

2. Бездомерный период с 1648–57 по 1896–1908 гг.: На рубеже XVIII–XIX столетий в Россию из Европы пришла современная температура (хроматические 12 ступеней гамм и круг из 24 тоналностей). Началась эра современной музыки. Забывались или реформировались (меняли конструкцию) традиционные диатонические музыкальные инструменты. Реформа русских народных музыкальных инструментов В.В. Андреева и заключалась в том, чтобы сделать эти инструменты пригодными для исполнения русской музыки

в современных аранжировках (т.е. для музыки темперированной) и для исполнения сложных музыкальных произведений в больших залах.

3. Домра, новые конструкции с 1896–1908 по 2014 гг.: Нотная традиция. Трехступенчатая школа обучения: начальное образование (ДМШ), среднее образование (муз. училище, колледж), высшее образование (вуз, консерватория, академия). Новый репертуар. Новая школа исполнительства. Стальные струны. Оркестры народных инструментов. Ансамбли народных инструментов. Выступления в крупных концертных залах от 300–500 до 1500 мест. Оркестровые и сольные концертные инструменты пяти категорий качества. Оркестровый набор: от домры-пикколо до домры-контрабас. Большинство музыкантов-домристов — женщины. **У**

ВАШЕ ЗДОРОВЬЕ В ВАШИХ РУКАХ!

Малый и большой бассейны Спортивного центра «Верх-Исетский» ждут вас!
Обучение плаванию детей (от 1 года) и взрослых, свободное плавание, работа в группах и индивидуальные занятия.

История России. Река Чусовая (Фотоэкспедиция)

Первоуральский городской округ.

При поддержке

Деревня Подволошная

После Динаса и железнодорожного моста Чусовая делает поворот к улице Емлина и течет рядом с ней до устья речки Четаевской Шайтанки. Затем поворачивает на запад к деревне Подволошной.

От устья Шайтанки вверх по правому берегу Чусовой более чем сто пятьдесят лет назад строили барки Шайтанского завода. После ледохода суда спускали на воду. Производилась погрузка металлургической продукции, и барки по Чусовой, Каме и Волге доставляли металл в Европейскую часть России. В XVIII веке Никита Никитич Демидов часть железа продавал в Англию.

Подволошная на пару десятков лет старше Шайтанского завода. Точной даты ее возникновения пока установить не удалось. Но в переписи 1719 года отмечены деревни Подволошная на Шайтанке (5 дворов) и Шайтанская Подволошная (1 двор). На пристань в Уткинскую слободу (ныне село Слобода) металл с Уктусского завода доставляли санным извозом (волоком) по левому берегу Чусовой. За один световой день этот путь пройти не успевали. И посередине

волока основали деревню Подволошную для ночевки и отдыха людям и лошадям.

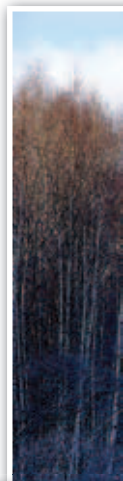
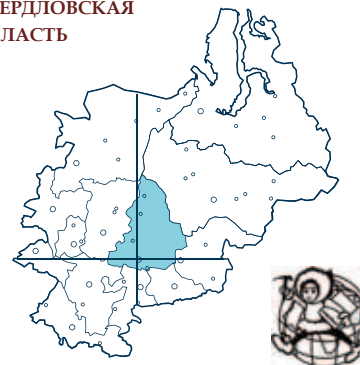
У деревни находились две шахты: Капральская и Елизаветинская. Капральская располагалась на левом берегу Чусовой. Ее первооткрывателями в 1714 г. были Кузьма Сулей и Сергей Бабин. Каково же происхождение топонима? Капральство – это четверть роты. Медную руду возили капральствами с Подволошной на Уктусский завод, позднее в Екатерин-

Владимир Трусов

Автор более 200 статей на исторические, родоведческие и краеведческие темы. Автор книги «Шайтанский завод Никиты Никитича Демидова». Печатался в журналах «Уральский следопыт», «Веси», в альманахах и сборниках. Живет в Первоуральске.

СВЕРДЛОВСКАЯ
ОБЛАСТЬ

► Мост через Чусовую.
Дома по ул. Емлина.
Фото Михаила Гимадиева

▲ Иван Чухарев. Станция Подволошная

◀ Чусовая. Камень Бычок. Фото Михаила Гимадиева

полнять и свои воинские обязанности.

Шахта Елизаветинская располагалась на правом берегу Чусовой. Месторождение нашли в 1720 году здешние жители Селины, в нем обнаружили серебро и свинец, дали название

▼ Чусовая у Подволошной. Фото автора

бург. Так было и в других местах. «Драгуны целыми капральствами подряжались возить медную руду с Полевского рудника в Екатеринбург, а железо из Екатеринбурга и с прочих заводов на Уткинскую пристань», — сообщает архивный документ. Здесь просматривается двойная казенная выгода: драгуны не сидели без работы и одновременно охраняли груз в пути, но в случае надобности могли вы-

▲ Пять копеек 1726 года и Плата

► Место впадения Четаевской Шайтанки в Чусовую. Фото Михаила Гимадиева

► Старый дом в Подволошной. Фото автора

◀ Святой родник Сергия Радонежского. Фото автора

в честь цесаревны Елизаветы. Геннин даже планировал построить здесь завод по выплавке серебра, который бы превзошел мощностью Нерчинский. Штейгер Ланг заложил шахту глубиной в двадцать сажен. Но серебра не оказалось. В один из весенних паводков Елизаветинскую шахту затопило, и больше она не восстанавливалась. В Первоуральске эту возвышенность до сих пор называют Серебряной, она отделена небольшой седловиной от Теплой горы.

Из подволошинской меди в Екатеринбурге в середине 1720-х годов изготавливались медные деньги и платы. Платы — это медные квадратные деньги с четырьмя орлами по углам и «решкой» посередине. Номинал платы равнялся реальной стоимости куска меди, из которого она чеканилась. Инфляция таким деньгам не грозила, подделывать их не имело смысла, в сундуках они не залеживались — не золото, да и в дальнюю поездку никто не взял бы: слишком тяжелы. Изготавливались четыре вида плат — рубль (вес 1638 г), полтина (819 г), полу-полтина (409,5 г), гривна (163,8 г).

Вес рублевой платы определен был в одну десятую пуда. Платы были известны всей России и Европе.

Окончательно Подволошинский медный рудник был закрыт приговором Сибирского Обербергамта от 7 июля 1727 года. Ныне здесь пролегают улицы Льва Толстого и Подволошная.

В 1909 году на железнодорожной магистрали Пермь — Кунгур — Екатеринбург была построена станция Подволошная. Деревянный вокзал снесен в 2009 году. Установили будку-кассу для продажи билетов. Зимой в ожидании электрички и погреться негде.

От Подволошной Чусовая поворачивает на север и течет у подножия горы Теплой. Здесь на самом берегу реки заканчиваются зимние горнолыжные трассы.

Далее на левом берегу Чусовой находится святой источник преподобного Сергия Радонежского, освященный 18 июля 2009 года. Он располагается за железной дорогой, протекает в арке и впадает в реку. Здесь же обустроена будочка для обливания водой. Гово-

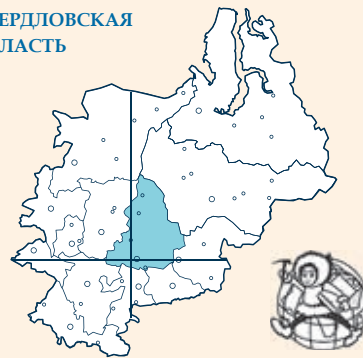
рят, святая вода источника исцеляет от разных болезней и недугов.

На этом же берегу реки построена противооползневая защита, чтобы уберечь железную дорогу от беды. Небольшие камни увязаны проволокой без цементирующей связи, и струи дождя проходят

▲ Камень Синенький. Фото Михаила Гимадиева

между камней, не разрушая склоны насыпи. Последняя стена защиты расположена в десяти метрах от русла Чусовой. **УС**

Среди краеведов существуют различные версии происхождения названия деревни Подволошная. Одну из них приводит Ю. А. Дунаев в книге «Подволошная»: «Название наводит на мысль, что близ деревни должен иметь место волок. Но слово «волок» многозначно, оно отражает и природную особенность местности. Не место, где волочили суда по суше, а «гужевой путь лесом через низменный луг». При подъезде к деревне со стороны Уткинской пристани на пути лежала топкая болотина. И хотя тут проложили гать, проехать по ней требовало немало сил. Крестьянин, жалея коня, впрягался в тяжелый воз, застрявший в болотине, помогал подволакивать кладь. В ряде документов деревня именуется Подволочной, что соотносится со словом «подволочь». Позднее местные жители переименовали название по-своему».

СВЕРДЛОВСКАЯ
ОБЛАСТЬ**Михаил Гимадиев**

Родился на Урале. Много лет занимался спортивным ориентированием. Увлекается краеведением и фотографией. Живет в Первоуральске.

Загадка

ПОДВОЛОШНОЙ

Встречный ветер

◀ Четаевская Шайтанка весной.
Фото автора

В. А. Трусов в книге «Шайтанский завод Никиты Никитича Демидова в 1730–1743 годы», поддерживая эту версию, приводит в ее подтверждение пример из словаря Кривошекова. Сокращенно цитата выглядит так: «Волоковая, она же Подволошная, деревня на реке Соколовке... от уездного города в 52 верстах... Название свое деревня получила от Салдинского волока, пустынной лесной местности, расположенной между реками Тагиллом и Прокопьевской Салдой».

Р. А. Кашин в работе «Путешествие по Чусовой» предполагает: «деревня Подволошная возникла на торговом пути во второй половине XVII века и получила название от волоков между Чусовой и Исетью».

Разгадка происхождения топонима, на мой взгляд, дана в книге А. А. Топоркова «О Васильевско-

Шайтанском заводе», изданной в 1892 году. В книге приводится переписка заводской конторы с коллежским асессором Семеном Метлиным, относящаяся к периоду бунта (Крестьянской войны) под предводительством Е. И. Пугачева. Вот небольшой отрывок.

«3-го июля (1774 г. — М.Г.), от Метлина же, получено другое предложение: «Предлагаю Шайтанской конторе, вместо сергинских жителей, нарядить с топорами, лопатами и напарьями 20 человек и немедленно послать на Киргышанский волок, для исправления дороги».

Из переписки видно, что в те времена существовало понятие «Киргышанский волок», относящееся к части дороги, проложенной еще в 1680 году из Кунгура на Тобольск через Бисертский татарский юрт, в обход Чусовской слободы и минуя слободу Арамашевскую.

Деревня, основанная позже на речке Четаевской Шайтанке у этой дороги, и получила на-

▲ Новые дома в Подволошной.
Фото Владимира Трусова

звание Подволошная. Здесь начался или заканчивался (в зависимости от направления движения) Киргышанский волок.

От редакции: На карте Гордеева, как может убедиться наш читатель (УС. 2014. №10. С. 41), деревня на этом месте названа «Половинной». Если, как считают, это простая ошибка картографа, то очень она странная: «Половинной» Гордеев «ошибочно» назвал деревню, которая стоит на половине гужевого пути от Уткинской пристани до Уктуса. Предположим, что он не знал (забыл) название «Подволошная», но его «ошибочный» вариант подсказывает нам, что прежде деревня могла называться «Полволошная», т. е. стоящая на половине гужевого пути (волока), а позднее название естественным образом трансформировалось. 📌

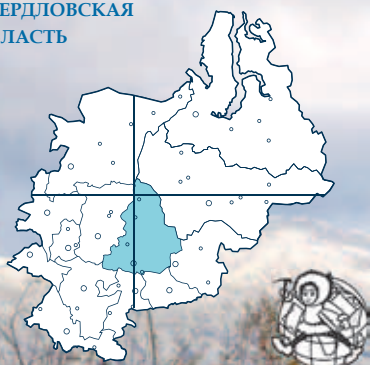

Антон Селезнев

Старший научный сотрудник Коуровской астрономической обсерватории Уральского федерального университета. Член Астрономического общества, член Европейского Астрономического общества.

Автор портрета Константин Миронов.

СВЕРДЛОВСКАЯ
ОБЛАСТЬ

Главный

▲ Главный Уральский хребет — горная цепь на Северном Урале протяженностью около 40 км в направлении с севера на юг. Ширина хребта колеблется от 5 до 10 км. Высшая точка — 1410,7 г. Гумбольдта. Преобладающая высота — более 1000 м. Окружающая местность находится на высотах 400–500 м и представляет собой труднопроходимую заболоченную тайгу. Граница леса проходит на высотах 800–900 м, выше ее хребет полностью покрыт курумами. Встречаются небольшие плато, заросшие мхом и карликовой растительностью.

Уральский хребет

▲ С запада к Главному Уральскому хребту примыкает хребет Кваркуш, со знаменитыми Жигаланскими водопадами, с востока — заповедник Денежкин Камень. Главный Уральский хребет условно делится на северную и южную части перевалом (850 м), через который проходит туристическая тропа.

▲ Перевал Ходовой представляет собой значительное понижение в хребте и используется для переходов с р. Ходовая на реки Сурью и Кутим. К северу от перевала начинается наиболее возвышенная часть хребта. Здесь склоны гораздо круче, чем на юге, к востоку часто обрывисты. Южная часть — более пониженная и широкая. Восточные склоны более крутые, чем западные. На восточных склонах часто встречаются снежники. Склоны Уральского хребта представляют собой сплошные каменные осыпи — курумники. Южная часть Главурала посещается туристами гораздо реже, чем северная. Погода на хребте очень нестабильна. Летом часты сильные туманы. Температура даже летом редко поднимается выше 20 градусов, встречаются снежники, которые не успевают растаять с зимы.

Обитель

Очередной эпизод «Верхотурских былей-небылей» воскрешает возможный путь Симеона Праведного в Верхотурье и встречу с ним черного попа Ионы-строителя.

Семейка Пинежанин

Дорогу за Камень Семен выбрал ту, что была более с руки уроженцу волжского берега — водно-сухопутную. Где суденышком, где волоком, где по течению да и не под малым ли парусом, а где и на весельцах, противу воды. Торговый путь по северодвинским, печорским и камским притокам до Перми Великой Чердыни, а потом и через Камень был издревле проторен вездесущими и неутомимыми негоциантами. Без них на северах — никуда. Хлеб, крупы, сукна, зелье хмельное и огнестрельное — это за Камень, а оттуда рябчики и белка, дробью не порченая, прочая мягкая рухлядь, рыба, ягода, орех — все, чем богата Сибирь. «Бог поможет, говорили, и купца пошлет». А где купецкая неусыпная братия — там и гулящий народец. Купшу в дороге не слишком накладная помощь всегда надобна. А гулящему оторве на фартовом суденышке да в хорошей братчине — чего еще желать?

Шел поначалу Семен в одиночку, привыкал к новому своему «гулящему» статусу, что ни говори, а боярская кость-то, дворянская. Скоро ли, долго ли, а добрался до реки Пинеги. Здесь как раз гоношилась артелька «охочего» люда, собравшегося со всей архангельско-пошехонской округи. Все смотрели на восток, всем грезилась Сибирь. А коли сговорились на Пинеге — стали все пинежананами. Таким же манером гуртовались устюжане, вычегжане, важане, сольвычегодцы и другие.

Семен к той поре довольно уже опростился, да и кому до него было дело? Никто в душу не лез и бумаг не требовал. Ну, задумчив парень не в меру, ну, иконку под холщевой рубахой хоронит — когда и кому образок божий в дороге был помехой? Зато, говорят, овчину работать мастак — что одеву, что шапку-малахай. В Сибири самонужное ремесло! Не вечно же будет июль на дворе. Словом, артель Семени приняла, и стал он в дальней дороге зваться Семейкой Пинежанарином.

«Гулящие» — не было тогда на Руси словом уничижительным. Перед законом они были дееспособны

и равны с оседлым крестьянином-«семеищиком». И то сказать, не всякий «охочий» — земледелец или посадский мужик — двинет в Сибирь, обременяясь семейством. Чаще по молодости шли, а уж потом, нагулявшись, обрастали хозяйством. Да и не всем было по душе жить оседло и на семейном якорю. Ой, да мало ли как могла сверстаться крестьянская планида! Бывало, беглого своего крепостного помещик не достал, отступился — вот беглец и гулящий, замел, значит, следы. (По эту пору беглых искали не более 15 лет).

За Камнем с гулящих, что шли через верхотурские заставы, государевы люди Приказа Большой казны тотчас взимали налог — так называемую явчую головщину (*явилась, мол, еще одна оброчная голова*) и «прописывали» для последующего годового оброка. И самим гулящим, и начальству сподручнее было верстать таковых артельно, землячеством, круговая получалась порука-ответственность. В Подгородной волости Верхотурского уезда, помимо пинежан, обретались в том же «гулящем» статусе устюжане и сольвычегодцы — тоже поди-ка не все и не обязательно из Устюга Великого или Сольвычегодска.

Заплатил в Лялинском карауле 3 деньги явочной головщины (*или полторы тогдашних копейки*) вкупе с прочими артельщиками и Семейка Пинежанин. И вот оно предстало ему, Верхотурье, что грезилось еще в скорняжне Селиверста. С пятиглавой деревянной Троицей и острогом на высоком Троицком камне, с немногими — едва ли больше сотни — дворами стрельцко-ремесленного посада, кучным деревянным монастырьком, частоколом обнесенном, и Ямской слободой чуть от него на отшибе. Какой был год его прихода? 1620-е, кажется, годы. Надо было где-то найти приют, предложив свое портняжное ремесло. А не в монастырек ли наведаться? Да непременно в монастырек!

Мы таким благостным пунктирчиком отмечаем путь Семени в Верхотурье, а ведь он, этот путь, таковым

СВЕРДЛОВСКАЯ
ОБЛАСТЬ

▼ Щеглов М. Из жизни остяков. Купцы приехали

▲ Река Пинега, Архангельская область

Юний Горбунов

▲ Сайда Афолина. Преподобный Иосиф Волоколамский

не был! Может, схоронившись в шумливой артельке пинежан, новоявленный гулящий не выделялся из толпешки. А в душе-то что творилось! Вся романовская быть, все прошлое тянулось за ним бесконечным обюзом, прихватывая на ходу новые напасти, свои и чужие. Она у него словно бы ничем не защищена была, его душа, никакими одежками не закрыта, голенькой обреталась. Вот и держал икону Николы Угодника близко, под рубахой — как щит, как заслонку. Вот и потянуло его поначалу не куда-нибудь, а в монастырек — а ну как там спасение!

Открыл заскрипевшие ворота — на скрип никто не появился. Неурочное, видать, было время. Вокруг церковки, келий и немногих построек прочее место травой-полянкой пошло, даже кое-где ромашки и жарки-купальницы побежали. Как будто дорожку Семену казали — за церковь, к самой тыльной ограде. Здесь малуша стояла, от келий на отшибе. И никакой к ней тропинки — жилая ли? Постучал — тихо. Вошел.

Оконце, упирившееся в стену частогола, почти не давало света, но догорала оплывавшая до самого поставца свеча. Две других теплились на божнице, но божница пуста была. На лавке за столом из двух толстых плах сидел седой и костистый старик. Гляделся схимником, но ни клобука при нем, ни камиллавки — одна беззащитная лысына. Да и ряса крестовая давно не помнила корыта. Негнуцимися пальцами старик

мял-перебирал ременные четки. Кроме свечи, была перед ним черная доска-икона с едва проступавшим ликом, видно, взятая с божницы. И раскрытая лежала книга.

— Мир дому... — сказал Семен, перекрестясь и низко поклонившись.

— Подай, юньщ, воды испить, — услышал в ответ.

Слева, под рукой, оказалась бадейка, доской прикрываая, на ней деревянный же ковшник. Семен зачерпнул и сделал два шага к столу. Испив, старик долго молчал. Глядел не на него, а прямо перед собой и являл Семену незрячего, но книга раскрытая...

— Не Ты ли? — спросил, наконец, старик настороженно. — Неужто сподобил Вседержитель?

Семен, не понимая, молчал. Старец, икона с ликом Николы Угодника, книга в кожаном оплоте — все напомнило ему скорняжно Селиверста. И слезы почему-то закипели у него, накопившиеся за дорогу.

— Ты ждал кого-то, отче? Я тоже... Я тоже спасения ишу.

— Подойди, юньщ, и дай руку.

Старик потянул его и усадил рядом с собой.

— Ты... ы, — сказал с глубоким облегчением. — Это Ты...

В его руках не было ни тепла, ни холода. Они были как книга, как четки, как икона.

— Спасения хочешь? Под сень мою? В обитель? — Он гладил руку Семена, и заскорузлые пальцы царапали кожу. — Никола в Мирах Ликийских

тоже, знаешь ли, того просил у Господа. И что Он изрек ему?

Не опуская глаз, старик листнул книгу раз, другой и, отняв руку, стал слепо водить пальцем по странице.

— «Если чаешь получить от меня венец, прими на себя подвиг служения миру. Нестяжательного служения». Вот как Он ему сказал, Николаю Мирликийскому. И что было потом, ты знаешь. Трех бедных отроковиц оградил от блудодеяния, бросая им в окна узелки с золотом. Свой город — Миры — спас от глада, умолив купца италийского привести корабль с хлебом. От трех мужей, неправедно осужденных, отвел меч палача, уже занесенный над головами... Мир — вот твоя обитель, юньщ. Спасения, какого ты ищешь, не дано тебе! Нет таких одежд, что оградили бы тебя от мира греховного.

Старик устало замолчал, не выпустив его длани. Слова тяжело, с хрипом, давались его груди.

— Вот этот лик, — сказал, — мною, грешным, писанный и Чудотворцем освященный — он двинул на Каме купеческий караван и на Твой Камень меня привел... Грех на Камне-то, грех. Не свое берет, не обетованное.

Старик взял икону и провел по ней ладонью.

— Господи, Вседержитель! Она источает мир! Ты видишь, юньщ, ты видишь? Она заговорила!

Свеча, совсем уж догорев, потухла. И заглянул в оконце день. Семен сидел, не ощущая ни себя, ни лавки, ни руки старика. И сухи были теперь его глаза. И такие же, как у старца, бестрепетные руки... Что-то, словно бы, потухло, а что-то затеплилось в нем.

Старик оторнул от себя икону:

— Возьми. Теперь она твоя. И Евангелие вот, Боголеповой угоды.

Похоже, что черный поп Иона, в силу возраста, не был рукоположен в игумены, а обретался только строителем и, по выражению неловкого переписчика, «церковным сторожем». Он был всем и никем, словно бы до конца растворил себя в последнем своем обете. Устроив себе келейку на задворках монастыря, он взял туда с собой только писанную им самим икону Николы Закамского и одну из книг, подаренных Борисом Годуновым. И почил неслышно, не оставив нам ни даты, ни места упокоения.

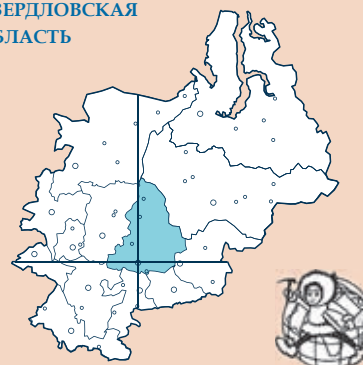
Жизнедевание неведомых святых — факт никем не оспоримый. Их, наверно, было и есть куда больше, чем мы можем себе представить. Это область иерархии небесной. «Бог его знает», — говорят о таких в народе. Да не они ли, ненаслышанные святые, и есть «плоть» нашей духовности? **УГ**

Казачий Дозор

Что такое в двух словах общественное движение «Казачий Дозор»? Походы и сборы! Для детей! А также множество других мероприятий, которые проводит движение и подразделения на территории Урала, Поволжья и Западной Сибири! Мероприятия «Дозора» – это полевые сборы, военно-спортивные лагеря, спортивные состязания, кубки, турниры, фотовыставки, учебные семинары, интересные вечерки и многое другое. Созданное в 2008 году по решению казаков Оренбургского казачьего войска, движение в 2010 году было поддержано атаманом Оренбургского войскового казачьего общества, заместителем председателя правительства Свердловской области Владимиром Ивановичем Романовым. Много детей прошло и проходит через наши мероприятия! Результатом нашей совместной работы стал большой охват молодежи. На сегодняшний день численность участников движения – 5000-7000 человек, в том числе подростки из многодетных и малообеспеченных семей, дети казаков казачьих станичных и хуторских обществ.

СВЕРДЛОВСКАЯ
ОБЛАСТЬ

В последнее время очень широко обсуждается тема казачьего воспитания, создаются казачьи кадетские корпуса и классы. Исторически доказано, что большое значение казаки уделяли именно воспитанию подрастающего поколения. Особенно важным было религиозное и патриотическое воспитание. На сегодняшний день многие качества казачьей науки по воспитанию молодежи утрачены. Многовековой уклад жизни с его традициями расколот и разорван, истоптан и оплеван. И лишь мелкие крупицы напоминают нам о том былом величии и стабильности, которо-

го достигло старое казачество, путем не только военным, но и трудовым. Прервана преемственность. В станицах, как правило, нет четко налаженной системы воспитания казачат.

Попробуй, собери теперь все заново! Этому не обучить в классах за партой, этим нужно жить. Слова должны подтверждаться делами. Воспитать – это значит готовить себе замену. Крепки традиции в казачьей семье, потому что вся семья жила этим. Казачонок начинал петь песни, если видел, что и взрослые их поют. Девочка, будущая хозяйка, с матери брала пример, как нужно вести дела

Игорь Артюхин

Подъесаул, председатель правления Свердловского регионального молодежно-патриотического общественного движения «Казачий Дозор».

решили попробовать объединить в единую структуру молодежные казачьи и различные организации, обобщить методическую базу, желая вернуть исконное осознание ответственности, передачу опыта поколениями. Когда-то в старину казачат воспитывали старики, движение «Казачий Дозор» старается восстановить этот прерванный процесс, доступный каждому, даже небольшой станции или хутору.

С 2008 года была проделана огромная работа! В Свердловской и соседних к ней областях появлялись и создавались новые клубы и секции, отправляющие на мероприятия «Казачьего Дозора» свои команды – понашему, пикеты. Кроме своей основной плановой работы, посещая общины «дозоровские» мероприятия, пикеты обменивались опытом, накапливали бесценный опыт совместного дела.

На мероприятиях ребята с помощью наших инструкторов учатся сами справляться с возникающими жизненными трудностями, изучают основы жизнедеятельности и выживания, а также учатся коллективизму и стойкости духа, готовить себе пищу и место отдыха. Постигают основы казачьих и воинских дисциплин, узнают о нашей родной культуре через различные занятия, игры, вечер-

по хозяйству, как нужно вести себя перед людьми. И все это была сплошная практика жизни. Здесь не схлутуришь, как обучишь, так и отдохнешь в старости, коль Бог даст. По укладу жизни и традициям создавалась община, для существования которой и осуществлялся воспитательный процесс. Не осрамиться перед обществом, не потерять традиции предков – вот национальный характер казака, а значит, и всей казачьей семьи. И, соответственно, всей общины.

На Урале в октябре 2008 года по инициативе казаков казачьих станиц: города Каменск-Уральского (дворовый клуб «Прометей», руководитель Николай Леонидович Лось), города Богданович (казачий кадетский отряд «Сокол», руководитель Игорь Станиславович Артюхин), города Сухой Лог (поисковый клуб «Память», руководитель Виталий Сергеевич Корниенко) Свердловской области было принято решение создать общественное молодежное движение «Казачий Дозор».

Многие казаки хотели бы начать работу с подростками, но не имеют опыта или необходимой методической, материальной поддержки. Мы

ки, постигают азы духовности (через представителей Русской православной церкви), изучают родную историю не по учебникам, а через живые лекции, рассказы, беседы, а также

многое другое. Сборы движения проходят почти ежемесячно, с учетом казачьих традиций. Все мероприятия являются комплексными, даже на спортивных состязаниях мы находим

место для интеллектуальных конкурсов и творческих заданий.

В «Казачьем Дозоре» все делается на добровольной основе. Народная педагогика – одно из направлений деятельности ОД «Казачий Дозор», почти все руководители пикетов имеют основную работу, а работе с казачьей молодежью посвящают свой досуг. Многие родители, беспокоящиеся за будущее своих детей, сами постепенно увлекаются идеями «Дозора» и принимают самое активное участие.

Семейственность мероприятий – одна из особенностей «Дозора»!

У нас каждый из родителей и взрослых может найти и находит себе место на мероприятиях. Кому ближе по душе работа с детьми – занимается детьми, кому хозяйственно-организационная часть – тот занимается этим. Нет таких людей, которые сидят без дела – такие особо не приживаются! Здесь взрослые действительно подают пример детям и подросткам! Скучать некогда!

Дух «Казачьего Дозора» – это дух добра, справедливости, ответственности и порядочности! Через такие мероприятия есть возможность донести до детей все нужные для их будущей жизни понятия – о добре, чести и достоинстве, ответственности перед собой, семьей и Родиной! Многие люди и организации, в том числе и ветеранские («афганцы», «чеченцы»), понявшие суть работы «Казачьего Дозора», сотрудничают и дружат с нами. Так как вместе мы делаем одно дело при работе с молодежью! Движение открыто для сотрудничества со всеми заинтересованными организациями.

Сотни неравнодушных людей по всей стране участвуют в воспитании молодежи в рамках движения «Казачий Дозор». Эти люди живут по традициям казачества и являются примером беззаветного служения Отечества. Среди них Александр Юрьевич Метликин из Челябинска, Вячеслав Владимирович Нехороших из Лангепаса (ХМАО), Сергей Анатольевич Нестеров из Самары, Иван Валерьевич Шевченко из Тюмени, иеромонах Иосиф (Бровкин) из Далматовского монастыря и еще много других казаков. А еще каждый год в двухнедельных летних сборах «Казачьего Дозора» принимает участие интереснейший человек из Екатеринбурга. Это Сергей Анатольевич Вандышев, отец одиннадцати детей, учредитель своего семейного конного клуба. Сергей на всех сборах вместе со своими старшими сыновьями обучает казачат конному делу на лошадях, которых привозит на место сборов в передвижной конюшне. Это действительно человек своего дела. Надо видеть, с каким энтузиазмом, терпением обучает он ребят джигитовке. Это очень увлекательно и полезно, так как лошади лечат и душу, и тело.

Правление ОД «Казачий Дозор» утверждает планы работы на год, связывая сборы с православным календарем или государственными праздниками, днями воинской славы России. Примером являются еже-

годные «Рождественские», «Дмитриевские», «Покровские» сборы, а также цикл сборов, посвященный Отечественной войне 1812 года, столетию начала Первой мировой войны, юбилею Великой Отечественной войны. Ранее эти сборы проходили только на территории Свердловской области. В 2014 году сборы, посвященные Святому Великомуученику Димитрию Солунскому, одновременно прошли на территории трех регионов России: Свердловской, Самарской областях и в ХМАО. В янва-

ре 2015 года к Рождественским мероприятиям «Казачьего Дозора», проводимым в Челябинске, присоединились города Тольятти (Самарская область), Нягань (Ханты-Мансийский Автономный округ), Екатеринбург (Свердловская область). Значение таких сборов трудно переоценить: они воспитывают и образуют молодых казачат в духе патриотизма, веры православной, здорового образа жизни; создают и укрепляют связь между поколениями и казаками разных мест проживания; осуществляют жи-

вую связь с государственными органами.

Важным звеном в процессе отождествления себя в казачестве являются ежегодные двухнедельные итоговые полевые сборы. Здоровая атмосфера казачества царит на таких сборах! Звук горна, созывающий утром на построение, погружает нас в атмосферу казачьего лагеря и воинской дисциплины. В ежедневной программе такого лагеря подъем в семь утра, физзарядка, пробежка, водные процедуры, построение на плацу, перекличка, завтрак, обед и ужин на полевой кухне, занятия по полевой, тактической, пластунской и конной подготовке, изучение русского фольклора. Обязательно на сборах организуется походный храм, где с ребятами проводят духовно-нравственные беседы священнослужители. В 2014 году в таком храме по согласию родителей 12 детей приняли обряд крещения. После всех занятий проходят традиционные русские вечерки. Необыкновенной популярностью и интересом у ребят пользуются состязания на звание «Лучшего бойца лагеря», «Лучший взвод». Особенно популярны тактические состязания на сдачу нормативов «Отличник Дозора», где группа подготовленных юных казаков не моложе 17 лет уходит в суточный рейд. Отсев происходит уже на первом этапе физических нагрузок: отжимание, бег, прыжки, силовой экстрим. Оставшиеся участники рейда ищут место для скрытого ночлега, готовят пищу из того, что сами добудут в лесу или в реке. Ночуют в лесу в спартанских условиях, показывая навыки, приобретенные на «Школах выживания» (фильтру-

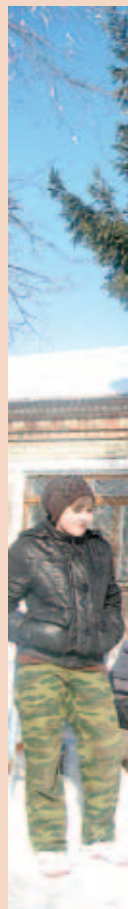

ют воду, разводят огонь). Также показывают навыки тактической подготовки, осуществляют марш-бросок, переправы через водные преграды. В заключение спарринг по рукопашному бою и физические упражнения. На протяжении всего рейда нужно отвечать на теоретические тестовые вопросы на знание комплекса военных дисциплин. О серьезных требованиях этого рейда говорит то, что за семь лет проведения «Отличника Дозора» только шесть человек были отмечены таким нагрудным знаком.

Многие выпускники клубов, входящих в движение «Казачий Дозор», благодаря общим мероприятиям встречаются на службе в рядах ВС России, остаются на службе по контракту, поступают в кадетские корпуса. Следует отметить, что, участвуя в казачьих сборах (особенно многодневных), ребята приобретают навыки выживания и взаимопомощи. Формируется ответственность перед товарищами. На казачьем круге ребята подводят итоги, анализируют причины успеха, личный вклад каж-

дого, спрашивают с того, кто подвел. Романтика и возможность проявить себя привлекают проблемных ребят. Многим стоящим на учете в ПДН мероприятия ОД «Казачий Дозор» помогли не скатиться вниз, а проявить свои способности в соревнованиях, добиться успеха.

Ежегодно совместно с отделением краеведения и туризма Дворца молодежи Свердловской области (руководитель К.А. Лузина) проводится двухдневный научно-практический семинар, где руководители клубов обмениваются опытом современных подходов реализации казачьего компонента в программах дополнительного образования школьников. Пра-

вительство Свердловской области высоко оценивает деятельность руководителей общественного движения «Казачий Дозор». Многие награждены грамотами и благодарственными письмами губернатора Свердловской области, благодарственными письмами Правительства Свердловской области, а председатель правле-

ния Игорь Станиславович Артюхин и член правления Николай Леонидович Лось награждены памятной медалью «Патриот России».

Перечислять мероприятия можно бесконечно. Ясно одно: возрождение казачества со всеми его древними русскими традициями, богатой культурой и духовным воспитанием на уровне государства с каждым годом приносит все больше положительных результатов в воспитании настоящих патриотов России. Общаясь между собой и обмениваясь опытом, все участники движения стараются соответствовать девизу «Казачьего Дозора»: «Едины духом за Веру и Отечество!». **VC**

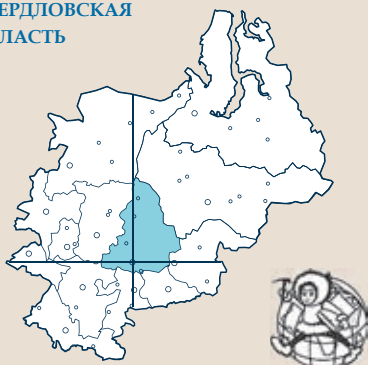
Питание в горном марафоне

Питание на многодневной гонке — это отдельная и непростая тема для обсуждения. Опытные походники, съевшие не одну «собаку» в составлении разнообразных раскладок, вынуждены признать, что питание в походе и на многодневной гонке — это, как говорят в Одессе, «две большие разницы».

СВЕРДЛОВСКАЯ
ОБЛАСТЬ

Татьяна Хасанова

Путешественница с большим стажем. Участница пеших и лыжных походов высокой категории сложности. С 2008 года активно занялась горным бегом и пробежала несколько горных марафонов: Конжак и Иремель. Призер первого этапа многодневки «ТрансУрал» в 2014 г.

В походе ведь как — позавтракал от души, собрался, пошел. Первая ходка тяжеловато, потом нормально. В нагрудном кармашке мешочек-«куркулек» с карманным питанием. Почувствовал, что завтрак улетучился куда-то — забросил «в топку» карамельку или горсть кураги, идешь дальше. В обед — суп, если много дров и светлого времени, или «сухой обед» — колбаса, сало, сухари, шоколад, сухофрукты, чай из термоса. Потом опять переходы-переходы, у кого хватает силы воли — доедает карманное питание, у кого не хватило — тот до обеда уже с ним «справился». А потом лагерь, ужин, если сухого продукта не так много, так водички побольше в котелок нальем, чтобы почувствовать приятную тяжесть в пузике.

На забеге все не так — и накануне вечером, и утром в день забега питание должно быть продумано так, чтобы никакая тяжесть в желудке, переполненность, урчание не отравляли

жизнь. И то, что берешь с собой, тоже должно содержать максимум полезностей при минимуме веса — кому хочется бежать с тяжелым рюкзаком?

Система «проголодался-подкрепился» тоже не годится для длинного пробега. Подкармливать организм углеводами нужно заранее, если ощутил голод — уже поздно.

На дистанции, как правило, есть пункты питания, а на старте есть информация о том, где они расположены и что предлагают. И здесь опять же нужно хорошо представлять, добегите ли вы до первого пункта без дополнительной подкормки, и подходит ли вам то, что есть в наличии. По наблюдениям — сколько участников, столько вариантов. На Конжаковском марафоне большой популярностью у не очень быстрых бегунов пользуется сало с черным хлебом — не самый, вроде бы, легкоусвояемый продукт. Но уходит со свистом. Много зависит от погодных условий — то, что хорошо идет в прохладную погоду, в жару

может и «не полезть». Жара вообще обманчивая штука – кажется, что не хочешь есть, а потом вдруг понимаешь, что срочно надо подкрепиться – а до ближайшего пункта еще долго...

На многодневной гонке возникает еще один очень важный вопрос: что и в каком количестве поесть вечером, чтобы максимально восстановить силы к следующему утру?

Бегуны с большим опытом марафонов, сверхмарафонов и многодневных пробегов уже изучили свой организм и знают, что ему требуется. Автору этих строк как-то посчастливилось участвовать в забеге на гору Ирмель в компании очень сильных бегунов-марафонцев. Так вот один из них вечером накануне соревнований ел только вареную курицу. А еще двое налегали на макароны с майонезом и разные «плюшки». А начинающие бегуны, как правило, учатся на своих ошибках.

Мы попросили Антона Головина, абсолютного чемпиона первого этапа ТрансУрала, мастера спорта по лыжным гонкам, победителя большого числа марафонов и специалиста в области спортивного питания поделиться с начинающими бегунами на длинные дистанции своими рекомендациями:

Питание до гонки

За 2–3 дня желательно увеличить количество углеводов, к своей обычной норме добавить 100–150 г в сутки. Я бы рекомендовал эти углеводы получать из спортивного питания – напитков и батончиков. Потому что натуральная пища содержит много клетчатки, а она усиливает работу кишечника. А нам нужно копить силы на гонку. Сладости категорически не приветствую – все они на маргарине или на трансжирах.

Почему такое относительно небольшое количество углеводов? Каждый грамм углеводов удерживает в организме 1 грамм воды, поэтому перебарщивать не надо («заплывете» и будет много лишнего веса). Так же заранее необходимо начать пить минералы (либо по отдельности, либо в комплексе).

Более продвинутым спортсменам я бы рекомендовал совсем незначительную углеводную загрузку через питье изотоника, потому что для них соревновательный вес в приоритете.

Что такое изотоник? Изотоник, он же изотонический раствор – это раствор, который оказывает на сосуды такое же давление, как и плазма крови.

Зачем спортсменам пить изотоники? Любая тренировка или соревнование вызывает потоотделение, организм теряет жидкость и кровь становится гуще, что увеличивает нагрузку на сердце. Чтобы сохранить нормальную плотность крови, необходи-

мо постоянно пить жидкости – в общем случае воду.

Но с потом тело, кроме жидкости, теряет и минеральные вещества, за счет которых мышцы и нервные волокна проводят ток (электролиты). Их потеря приводит к тому, что мышцы (в том числе сердце) начинают сокращаться хуже. Критическое падение концентрации магния в растворе крови, например, вообще может вызывать судороги. Поэтому при длительной физической нагрузке рекомендуется употреблять растворы, содержащие соли калия, магния и кальция.

Чтобы одновременно поддержать состав крови и восполнить энергетические запасы организма, при изготовлении спортивных напитков в минеральную воду добавляют углеводы, витамины и такие вещества, как кофеин (для тонизирующего эффекта), креатин и глютамин (для улучшения силовых показателей мышц), L-карнитин (для более интенсивного жиросжигания). В зависимости от вида спорта, типа тренировки и индивидуальных особенностей человека можно подобрать оптимальный вариант спортивного напитка.

Самый простой изотоник можно приготовить дома. Для приготовления 1 литра напитка понадобится: 2,5 г поваренной соли (примерно 1/3 чайной ложки), 50 г меда или сахара и 70–80 мл (треть стандартной кружки) апельсинового, лимонного или грейпфрутового сока.

В день гонки:

Завтрак – каша, сухофрукты, хлеб, никаких жиров. За 30–40 минут до старта: изотоник и углеводный батончик, 1–3 геля.

Углеводные (они же энергетические) батончики выпускаются обычно в виде прямоугольных бру-

сочков (отсюда и название). В них содержатся легкоусвояемые аминокислоты, важные для организма человека минералы, витамины, большое количество сложных и простых углеводов и другие полезные вещества, способные зарядить организм необходимой энергией.

Купить энергетические батончики можно в магазинах спортивного питания, а иногда в аптеках и продуктовых магазинах. Для сторонников всего «домашнего и натурального» существуют различные рецепты для приготовления таких батончиков в домашних условиях, например:

Необходимые продукты: овсяные или ржаные хлопья быстрого приготовления – 400 г, коричневый тростниковый сахар – 1/2 чашки, ржаная или овсяная мука – 1/3 чашки, 300 г сухофруктов (курага, чернослив, изюм, финики и т.д.), 300 г орехов, 1/3 стакана оливкового масла, 1/3 стакана меда, 1 чайная ложка ванилина, щепотка корицы.

В большую миску добавляем хлопья, сахар, муку, корицу и размешиваем. Ржаную или овсяную муку можно приготовить из хлопьев с помощью блендера.

Сухофрукты промываем и мелко режем. Орехи измельчаем, добавляем в смесь и перемешиваем.

Отдельно смешиваем и взбиваем растительное масло, мед и ванилин. Вместо жидкого меда можно использовать фруктовый или ягодный сироп.

Полученную смесь добавляем в смесь из сухофруктов и орехов и перемешиваем до рассыпчатой однородной массы.

Хорошо утрамбовываем смесь в подготовленную форму для выпечки, лучше всего воспользоваться пергаментной бумагой.

Ставим в предварительно разогретую до 180 градусов духовку и выпекаем 50–60 минут, до золотистого цвета. Готовый продукт охлаждаем и через несколько часов нарезаем на батончики.

Питание на время гонки рекомендуется подбирать заранее на соответствующих по длительности тренировок. Без этого невозможно дать конкретный совет.

После старта – каждые 30 минут гель и каждые 15–20 минут питье. Если гонка длинная, то на второй половине можно и нужно употреблять кофеин – в гелях, гуарану, в напитках. Чрезмерное употребление углеводов нарушит работу кишечника, а гонка может раньше времени закончиться для Вас. Кого мучают су-

дороги – перед стартом и во время гонки рекомендуется принимать соляные таблетки. Если вы сделали все правильно, то проблем не будет. Если у вас началась гипогликемия, то уже поздно. Экстренный прием углеводов не решит проблему, организму нужно время на их усвоение.

На пунктах питания я бы рекомендовал только питье и сухофрукты, бананы. Но надо помнить, что сухофрукты перевариваются достаточно долго (для гонки).

Питание и восстановление после гонки

Сначала необходимо восполнить потери жидкости до удаления чувства жажды. Рекомендую пить углеводные напитки с аминокислотами (BCAA), съесть углеводный или протеиновый батончик. Вечером (за ужином) надо поесть обычной пищи – медленные углеводы (крупы, хлеб, макароны) и легкоусвояемые белки (рыба, курица, сыр, яйца). Не рекомендует-

ся жирное, жареное, овощи, молочное. А восполнение углеводов и белков лучше разделить на 2–4 приема пищи (в период от финиша и до сна), чтобы не перегружать желудок и насыщение прошло максимально эффективно.

Я бы рекомендовал весь объем пищи разделить: 50% обычная еда, 50% спортивное питание (батончики, напитки, витамины). Потому что спортивное питание необходимо для максимально быстрого восстановления перед следующим днем соревнований. Существуют специальные добавки, которые потребляются перед сном. Они основаны на белках, которые питают организм всю ночь.

Потребление воды – минимум 3–4 литра, в зависимости от веса и потоотделения. Для ускорения процессов восстановления рекомендуется непродолжительная баня и массаж (самомассаж), и обязательно нужна гимнастика после гонки – 10–15 минут.

Давать рекомендации по питанию на случай экстремальной жары сложно, каждый организм переносит ее по-своему. Я рекомендую слабоуглеводно-соляные напитки, увеличение дозы минералов, обильное питье до и после гонки. Чтобы уменьшить перегрев, ведущий к обезвоживанию, необходимо одеваться в светлые тона, обязательны солнцезащитные очки и головной убор.

И не забывайте, что питание – незначительная часть успеха на соревнованиях. Основа – это тренировки!

До следующего этапа ТрансУрала еще больше полугода – у всех желающих есть время, чтобы как следует изучить вопросы, связанные с питанием на забегах, и поэкспериментировать на тренировках. Желаем удачи! **УГ**

Охота Рыбалка

Активный отдых на природе

Техника для активного отдыха

Охота

Лодки и катера

Рыбалка

Москва, Крокус Экспо

10 -15 марта 2015 года

Москва, Крокус Экспо

www.safariexpo.ru

реклама

12+

Организатор:

При поддержке:

Генеральный
информационный партнёр:

Официальный
Интернет-партнёр:

Activizm.ru

Копии фотографий передала краевед, Почетный гражданин г. Ухты Республики Коми Раиса Леонидовна Попова

Гибель шхуны «Ермак»

Стойбище

Стойбище всполошили сторожевые собаки. С грозным рычанием и лаем они бросились навстречу чужим людям, появившимся с ночной (западной) стороны. Вслед за собаками высунулись из теплых «гнезд» любопытные мальчишки. Увидев много чужих, нырнули, перепуганные, обратно под нюки чумов. Настороженно вышли хозяева стойбища. К ним приближалась большая группа людей, утомленных, с черными обмороженными лицами, обросшими бородой. Они были в ненецких малицах с котомками и винтовками за плечами.

Начальник экспедиции подошел к старейшине рода. Того трудно было не узнать. Держался твердо, независимо, с откинутым назад капюшоном искусно вышитой малицы, несмотря на крепкий мороз; да и был он старше по годам всех окруживших их мужчин. Гость в знак дружбы протянул руку хозяину и ощутил крепкое рукопожатие. Затем сбросил малицу и предстал во всей красе офицера российского флота. «Аркае начальник» — большой начальник — смекнул хозяин положения и пригласил Крузенштерна в чум. Павел Павлович достал документы и, откинув нюк, вошел в теплое жилище.

Тем временем матросы сложили винтовки на свободные нарты, кинули сверху полупустые вещмешки, сняли, помогая друг другу, малицы и, смеясь, поставили их на снег. Промокшие и промерзшие, они стояли, как колокола. Матросов пригласили в чум. Накормили и напоили горячим чаем. Здесь не принято спрашивать гостя. Захочет — сам расскажет, когда сочтет нужным. «Ты сперва, однако, кушай, немного спи, вечером разговор говорить будем».

Гость подал хозяину пергамент, на котором красивым каллиграфическим почерком было написано: «Мичману Павлу Павловичу Крузенштерну присваивается звание лейтенанта флота Его Императорского Величества Александра II». Этот документ, по су-

ществу, являлся удостоверением личности.

Не знавший русской письменности, Сейч осторожно взял документ, полюбовался двуглавым орлом, прошелся взглядом по строкам, поцокал языком и передал своей жене, а та поспешно спрятала в сундучок, где хранились деньги и прочие ценные вещи всего рода Сэротэтто. Там и хранился паспорт-диплом П.П. Крузенштерна более 130 лет, пока не попал в музей Ямальского района.

Беседа протекала неторопливо и спокойно. Хозяин беспрестанно подливал гостю крепкий до черноты чай и внимательно слушал, время от времени поднимая взгляд на жену. Она сидела в противоположной стороне чума и кратко переводила длинную тираду гостя. В юности жила в прислугах у обдорского священника, была крещеной, наречена именем Агафья, понимала русскую речь.

Павел Павлович поведал историю своей экспедиции и сказал, что сейчас ему надо доставить экипаж в Обдорск.

Сейч долго молчал, думал, наконец, сказал:

— Будем каслать с острова.

И только тут Крузенштерн понял, что он вышел не на материк, а лишь на остров Литке. Им предстояло перейти пролив Мутный.

«Окончив обед, мы легли спать в теплом чуме на хороших оленьих шкурах, и вся усталость и горе были забыты. Нам казалась, что мы в раю». Капитан несчастной шхуны спал сном праведника. Доверившиеся ему люди — в безопасности. Несмотря на все трудности и лишения, он не потерял ни одного человека.

Глубокой ночью ненцы подняли матросов, разобрали и сложили на нарты чумы и вслед за стадом двинулись в путь. Каслание было недолгим. Утром 18 сентября чумы установили на стойбище брата Сейча — Сэйре. Сейч послал гонца к соседям — Худи, с просьбой о помощи в отправке моряков в Обдорск.

ЯМАЛО-НЕНЕЦКИЙ
АВТОНОМНЫЙ
ОКРУГ

▲ И. Ф. Крузенштерн, адмирал, начальник первой русской кругосветной экспедиции

► Портрет Александра II

Сергей Пудов

Трудовую биографию начал в многотиражке «Звезда» на строительстве Серовской ГРЭС (Свердловская обл.). Работал в газетах Кемеровской, Свердловской, Тюменской областей. В пос. Комсомольском Советского района был главным редактором студии телевидения. Автор трех книг: «Радага жизни» (2006), «Под небом Заполярья» (2012), «Без права на забвение» (2014). Живет в Югорске Тюменской обл.

Много чаю выпили старики при встрече. Сидели, думали, качали головами, опять пили чай, еще думали.

— Три аргиша надо, однако. Три чума, двенадцать легковых нарт — по два человека, еще четыре пастуха, грузовые нарты... Больше трех десятков нарт надо, трудно будет собрать, — засомневался Худи.

— Надо! — сказал Сейч твердо. — Капитан уедет в Обдорск завтра. Ему предстоит позаботиться о размещении своих людей и договориться с местными старшинами о дальнейшем пути в большой город. Проводником ему будет Сэйре. Я соберу два аргиша и дам в дорогу стадо быков для смены

упряжек и питания. Ты соберешь еще один аргиш и проводником всех отправишь своего человека. — На этом решении была поставлена точка.

Сэротэто и Худи имели свой интерес. Они знали: их услуги будут оплачены твердым рублем. Попутно они отправят купцам свой товар: пушнину, рыбу и прочие дары тундры. У купцов выменяют и прикупят все необходимое в кочевой жизни.

Сухопутное плавание

19 сентября Павел Павлович Крузенштерн выехал в Обдорск. Ненцы приступили к сбору аргишей. Через три дня аргиши тронулись в путь.

Провожающих было очень много — съехались любопытные, казалось, со всей тундры. Всем хотелось посмотреть на русских моряков. Матросы не скупились на подарки. Раздали все, что осталось у них в котомках после ледового перехода. Больше всех досталось, конечно, Сейчу Сэротэто. Ему оставили чайники, винтовку, ружье, порох и пики.

Старшим команды капитан назначил штурмана Матиссена, проводник аргишей был Сянда Худи.

Павел Павлович легко управлял упряжкой, не отставая от упряжки проводника. Дорога предстояла длинная, впереди более четырехсот верст. Времени для размышлений было больше чем достаточно.

...Пятнадцати лет он впервые увидел Белое море. Ходил с отцом Павлом Ивановичем на шхуне «Ермак», той самой, на которой спустя 13 лет решился совершить смелое плавание к устью Енисея. Он не был безучастным наблюдателем. С разрешения отца мальчик исполнял обязанности марсового. Он был отличным гребцом, умел ловить оленей и управлять ими в упряжке.

Когда Павлу шел 16-й год, его взяли в далекое плавание. Много месяцев он плыл на военном транспорте «Двина» теми же морями и океанами, через которые около полувека назад его дед Иван Федорович Крузенштерн впервые пронес русский флаг на кораблях «Надежда» и «Нева». Его первое путешествие закончилось в Петропавловске-на-Камчатке. Из этого порта он на попутном судне перебрался в Аян; а оттуда через Сибирь направился в Петербург и заслужил славу лихого офицера. Павел Крузенштерн-внук успешно продвигался по службе, но более всего его привлекал Север, с которым он впервые познакомился в детстве.

Олени бегут ровно. Нарты взлетают на застругах, мгновенно летят в воздухе, на скорости без толчка мягко приземляются и скользят дальше. Моряку это напоминает легкую килевую качку при небольшом шторме. Вокруг растоптались снега необъятной тундры. Этот унылый пейзаж будет окружать моряка всю дорогу до Обдорска, а потом через Урал до Архангельска. Этот мир, где существует лишь снег и лед, не пугает Павла, но к холоду невозможно привыкнуть. От холода немеет лицо. Кругом белым-бело, как вчера... как позавчера... Бескрайняя белая равнина. Других красок здесь нет.

Двенадцать дней они стояли у великой сибирской реки Оби. По ней еще густо шел лед, и перебраться

на правый берег не было никакой возможности. Вскоре подошли аргиши с поредевшим стадом. Как только Обь встала и лед окреп — в Обдорск.

Двенадцать дней старейшины под руководством князя Матвея Тайшина собирали Крузенштерну упряжки для дальнейшего пути через перевал Северного Урала.

Сэйре Сэротэтто и Сянда Худи обменяли у купцов «мягкую рухлядь» на продукты и товары. Павел Павлович в присутствии чиновников заплатил Сянда Худи 31 рубль серебром за доставку команды шхуны. Расписку заверил подписью и гербовой печатью. Ненецкое имя перевел на русский и в документе назвал его Александром.

Удовлетворенный оплатой своего труда, Худи повел аргиши и поредевшее стадо в обратный путь к родным угольям. Сэйре Крузенштерн оставил при себе. Понравился ему этот молодой, сметливый и веселый парень. Он был проверен длинной дорогой. Павел договорился с Сэйре, что впредь будет звать его Сашей, а тот его — Пашей. Так им будет легче общаться.

После долгих сборов, на двенадцатый день пребывания в Обдорске, вновь укомплектованным аргишем и стадом оленей двинулись в дорогу через перевал Уральского хребта.

Дорога была трудной. Снега глубокие. Стадо паслось на ходу. Ехали медленно, часто приходилось менять быков в упряжках и останавливаться для отдыха оленей.

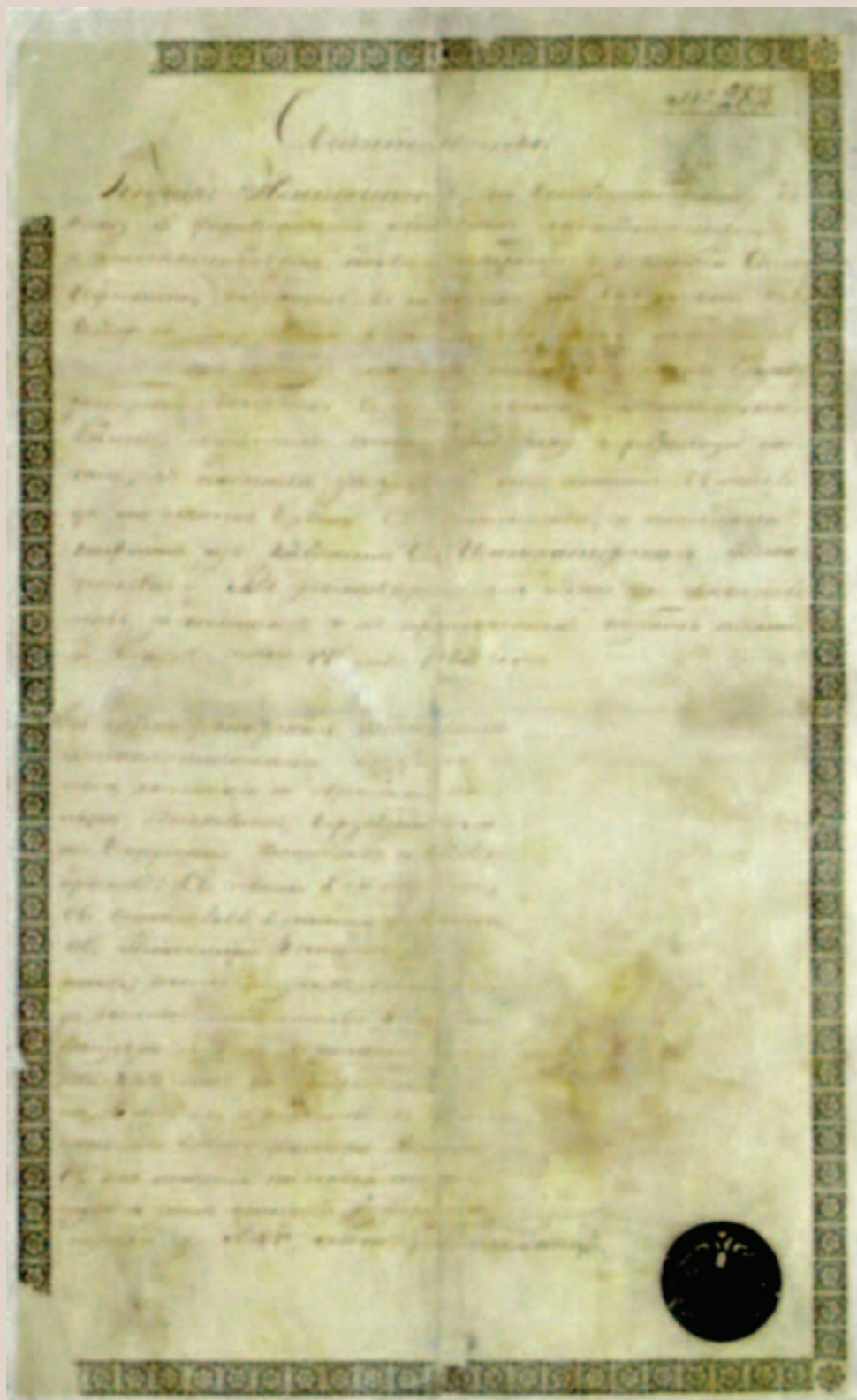
На перевале путешественников настиг ураган. Олени легли. Впопыхах установили чумы и палатки. Метель заметала лежащих оленей по самые рога, выдувала тепло из временных жилищ и жутко выла трое суток. Ветер стих столь же внезапно...

Они шли уже по Большеземельской тундре. Павел вел экипаж к исходному пункту в устье Печоры к деревне Куя, откуда три месяца назад он, полный надежд, вышел в плавание на шхуне «Ермак».

Здесь он узнал, что бот «Эмбрио» давно вернулся из Карского моря. Его командир Иван Короткий две недели ждал в Югорском Шаре возвращения «Ермака». Команда бота объехала близлежащее побережье моря, вплоть до речки Кары. Убедившись в тщетности своих усилий, направилась на запад и в середине сентября была в устье Печоры.

Крузенштерн оставил членов экспедиции в деревне Куя, а сам с каюром Сашей на оленях через тундру выехал в Архангельск.

Так закончилась экспедиция Павла Павловича Крузенштерна.

Архангельск

Отца в городе он не застал. Павел Иванович Крузенштерн, военный моряк, путешественник, исследователь Арктики и Севера Европейской России, сын великого мореплавателя И.Ф. Крузенштерна, в это время был в Петербурге и занимался камеральной обработкой материалов летней экспедиции по исследованию бассейна Печоры.

Павел рассчитался с проводником из последнего зырянского стойбища и жестом, незаметным для Саши, отправил проводника с упряжками во свояси. Прошли в дом. Здесь он с отцом останавливался дважды в год, когда ранней весной уезжали они на Печору и в предзимнее время возвращались в Петербург. В последние годы постоянно путешествовали вдвоем.

◀ Свидетельство о награждении Сейча Сэротетто

Саша вышел на улицу и, не обнаружив упряжки, в отчаянии бросился назад:

— Паса! Оленей нету! Как мне в тундру ехать?! Паса?! (В фонетике ненецкого языка нет шипящих согласных).

— Успокойся, Саша! — Павел спокойно обнял за плечи своего спутника. — Сейчас мы пойдем гулять. Я покажу тебе город и заодно закажем экипаж. Поедем с тобой в столицу.

Саша медленно шел по заснеженному Архангельску, рассматривал высокие дома, удивлялся количеству окон, вздрагивал, когда с криком «Поберегись!» проносились извозчики. Он поминутно поворачивался к Павлу, боясь потерять его из виду. Большой город пугал тундровика. Он теребил Павла за рукав и звал домой.

Утром тройка подкатила к подъезду дома. Седоки поздоровались с ямщиком. Друг оленей обошел вокруг лошадей и экипажа, на расстоянии разглядывал лошадь.

— Зачем такой большой, а рогов нету? Зачем большой хвост? — конь повернул к нему голову, втянул воздух, почувствовал дикий запах оленя и громко фыркнул. Оленевод вздрогнул и в страхе отскочил, чем рассмешил не только ямщика, но и Павла, уже привыкшего к диковатости ненца.

На одних станциях наши путешественники ночевали, на других только пили чай, пока им меняли лошадей. И на всех станциях ненец Саша удивлял постояльцев количеством выпитого чая. Пил его до седьмого пота. Мясо редко подавали, и гость из тундры налегал на сушки-баранки-кренделя.

Возок, запряженной свежими, отдохнувшими лошадьми, летел по хорошо укатанной дороге.

— Хоросо! — произнес разомлевший Саша и обернулся к Павлу, ожидая похвалы за русское слово. Павел поощрительно улыбнулся. А попутчик продолжил свою мысль: — Конь быстро бежит, как олень, снег в лицо не летит, сидишь, как в чуме, тепло. Хоросая нарта.

Павел откинулся на спинку сиденья, прикрыл глаза. Его мысли были уже в Петербурге. Его ожидало тяжелое объяснение с отцом. Сын не только не пробился к Сибирским берегам, но и погубил его корабль. Выдержит ли сердце отца? А может быть, он будет рад возвращению сына живым и здоровым и судьба шхуны уйдет на второй план... А еще придется объ-

ясняться в Морском министерстве. Писать рапорт и отчет по расходованию государственных средств, выделенных на экспедицию...

Саша нырнул головой в малину и спокойно уснул. Дорога укачала и Павла.

Петербург

Морозным декабрьским утром у большого дома на Васильевском острове столицы остановилась тройка. Из возка вышли двое. У Саши в руках — дорожный саквояж. Павел Павлович рассчитался с кучером, взбежал по парадной лестнице и позвонил в дверь. Старый камердинер Никифор открыл и всплеснул руками:

— Господи! Молодой барин вернулся! Здравствуй, Пашенька! Проходи, дай-ка шубу помогу снять, замерз, чай, холода-то нынче какие стоят! Сейчас Павлу Ивановичу доложу.

На шум в прихожей вышел хозяин. Навстречу ему быстро шел сын. Они крепко обнялись и долго стояли молча. У Павла Ивановича предательски выкатилась слеза. Он незаметно смахнул ее, отстранил сына, положил руки ему на плечи и внимательно разглядывал его лицо, пытаясь понять, с какой вестью вернулся он из плавания. Потом троекратно расцеловались.

— А это кто? — показал он взглядом на Сашу.

— Это мой спаситель, каюр и проводник от самого Ямала до Обдорска, а потом и до Архангельска, — улыбнулся Павел.

— Никифор! Помоги гостю раздеться. Верхнюю одежду запри в чулан, чтобы, не ровен час, не сбежал.

Никифор взял шефство над «заморским» гостем. Выходец из чума замороженно ходил вдоль стен квартиры адмирала и удивлялся диковинным вещам.

Мужчины прошли в кабинет. Сын кратко рассказал об исследованиях дна по ходу шхуны, показал дневник записей и осторожно сообщил о гибели «Ермака». Отец сначала радовался успехам исследований, но при вести о «Ермаке» как-то сразу сник, плечи его опустились, он обхватил голову руками...

Павел замолчал и с тревогой наблюдал за отцом. Несколько минут сидели молча. Потом Павел Иванович встряхнулся и встал.

— Слава Богу, что сам жив остался и экипаж сохранил. Пошли обедать, Фрося уже, наверное, стол накрыла.

Никифор пригласил к обеду Сашу. Сели на кухне. «Не следует слугам с баррами сидеть за одним столом».

Вечером одетый во все новое от нижнего белья до ботинок, в фор-

менной фуражке и ливрее красного сукна, расшитой галунами, Саша предстал перед семьей.

— Господи! — всплеснула руками Фрося. — Да какой же ты молодец! Хоть сейчас на парад! — все улыбались, одобряя наряд.

На следующий день Павел Павлович отправился в гости к соседу, старому другу отца по Царскосельскому лицей, адмиралу флота в отставке, и попросил прислать внука-кадета в репетиторы Саше.

— Ну что же, я и сам зайду посмотреть на «заморского гостя».

Вечером все собрались за столом у Крузенштернов.

— Так учитель-то моложе ученика, однако, — улыбнулся в усы адмирал.

— В этом случае возраст не помеха, — улыбнулся Павел и посмотрел на смущенного учителя. — Наберись терпения, ученик трудный, не знает русской речи.

И Сашу приободрил:

— Будешь грамотным ненцем.

— Как князь Тайша?

— Чтоб быть, как князь Тайша, надо много лет учиться. Князь ваш — хитрый. Легко обманывает вас, ненцев, потому что вы все неграмотные. А будешь ты грамотным, сможешь поспорить с князем.

Учитель после занятий частенько устраивал своему ученику прогулки по городу. Показал кадетский корпус, где учится. Водил в музеи и цирк. Образование шло успешно. Великовозрастный ученик все необычное для него впитывал, как губка.

Пришла весна 1864 года. Снег незаметно исчез, Нева освободилась ото льда. Павел Павлович, как и его отец, снова стремился на Север. Но вместо бескрайних просторов Ледовитого океана его направили на Балтийское море. Во время кратких стоянок кораблей он на сутки-двое приходил домой, интересовался, как живет его юный друг. Подолгу разговаривал с ним, обещал к зиме отпустить домой. Чувствовал, что подопечный его заскучал в большом, шумном городе.

Возвращение

Павел Павлович приступил к сборам своего друга в дальнюю дорогу домой. Маршрут разработали сами, без участия Саши. Поедет на перекладных по старой Сибирской дороге: Петербург — Екатеринбург — Тюмень — Тобольск — Сургут — Самарово — Березов — Обдорск, а там сородичи доставят его до родовых угодий.

П.П. Крузенштерн подал прошение министру о достойном вознаграждении ямальских ненцев из рода Сэ-

ротэтто, спасших жизни членов экспедиции погибшего во льдах корабля. Он подробно описал заслуги каждого. И контр-адмирал флота его императорского величества Александра II П.И. Крузенштерн тоже подписал прошение и заверил подпись своей гербовой печатью.

В министерстве прошение было поддержано и отправлено на утверждение императору. Вскоре курьер доставил Крузенштернам приглашение ко двору вместе с ненцем-каюром. Царь лично хотел увидеть героя-ненца. Сашу одели в соответствующий для приема костюм и в назначенный день и час он предстал перед светлые очи императора и окружавших его адмиралов.

Павел Павлович доложил:

— Ненец Александр Сэротэтто за год проживания у нас освоил азы грамоты; умеет читать и писать, разговаривает по-русски.

— Еще бы, — улыбнулся император, — когда в наставниках был адмирал.

Царь-реформатор повелел наградить оленевода Сейча Сэротэтто серебряной медалью «За усердие» для ношения в петлице на ленте Ордена Святого Станислава, а также почетным кафтаном из кабинета его императорского величества. И оплатить оленей, отданных на пропитание морякам. Каюра Александра Сэротэтто тоже наградили почетным кафтаном и вручили ему охранную грамоту и подорожную карту как фельдбегерю, дали денег на дорожные расходы.

Прощание, как это бывает у добрых друзей, было грустным. Сашу здесь воспринимали уже как члена семьи. Приехали по русскому обычаю перед дальней дорогой. Фрося приложила фартук к взмокшим глазам, подала узелок с пирожками. Саша сидел в русской меховой шапке, в ладно подогнанном кадетском форменном полушубке и в своих ненецких кисах. Малицу хозяева оставили себе на память. Никифор вынес баул с царскими подарками и дорожную сумку. Тройка лошадей ждала седока у подъезда.

Пока наш герой мчится с курьерской скоростью от станции до станции, сменяя лошадей, почти через всю Россию, Урал и Сибирь на Север Крайний, вернемся к Крузенштернам.

Летом Павла Павловича откомандировали в Аральское пароходство. Здесь он, неугомонный и необычайно смелый человек, заболел. Смена климата, скитания по Северу напомнили о себе тяжелым ревматизмом. Он не мог шевельнуть правой рукой. Но стоило его старому товарищу прислать письмо о том, что тот с паро-

ходом «Самарканд» потерпел аварию в Сыр-Дарье, как Павел Павлович поднял пары на поставленном на зимовку судне «Арал» и вышел на помощь. Он работал 17 суток по пояс в холодной воде вместе с матросами. Пароход был спасен, но здоровье Крузенштерна пошатнулось непоправимо. У него оказались поврежденными легкие. В университетской клинике Юрьева (Тарту) ему сделали операцию, которая прошла удачно. Но организм был надломлен. Незадолго до смерти его произвели в чин капитан-лейтенанта. Он умер в 37 лет, не успев увидеть присланный ему орден за поднятие «Самарканда».

Ранняя смерть сына тяжело ударила по сердцу отца. Контр-адмирал П.И. Крузенштерн подал в отставку. Его освободили от государственной службы в чине вице-адмирала.

А Саша по накатанным, снежным дорогам России продвигался довольно быстро. Когда на узловых станциях скапливалось много пассажиров и экипажей не хватало, поднаторевший ненец предьявлял свою «бумагу» с двуглавым орлом и гербовой печатью. И станционные смотрители вставляли «во фронт».

Шкатулка

Пустые комнаты большого дома навевали тоску до умопомрачения. И, будучи уже немолодым человеком, Павел Иванович Крузенштерн отправился в экспедицию. На Северном Урале исследовал речку Сарт-ю — приток Усы и Лангот-юган — приток Оби и нашел, что они «представляют всевозможные в этой стране удобства для плавания». Нужно только соединить их притоки каналом, который связал бы Европейский Север с Севером Сибирским. Проект его остался неосуществленным. По итогам этих экспедиций он издал книгу «Путешествия П.И. Крузенштерна к Северному Уралу в 1874–1876 гг.», в которой помимо специальных тем по гидрографии приведены наблюдения автора экономического, этнографического и демографического характера, не утратившие интереса для науки и в наши дни.

Минуло десять лет после проводов Саши Сэротэтто. Вспоминая сына и перелистывая в памяти все его северные экспедиции, Павел Иванович размышлял, как ему лично отблагодарить ямальских ненцев. Он взял шкатулку красного дерева, привезенную когда-то из «кругосветки», вложил в нее благо-

◀ Свидетельство мичмана П. П. Крузенштерна о присвоении ему звания лейтенанта флота Его императорского величества Александра II

дарственное письмо, в конверт — свое месячное жалование и портреты царствующих особ. Вниз — портрет молодой царицы, Марии Александровны той поры, а сверху портрет самого императора Александра II. Все было продумано до мелочей. Если какой-нибудь вороватый злыдень позарится на строгий царский взгляд.

Павел Иванович собрал объемную продуктовую посылку: сахар-рафинад, сушки, шоколад, изюм и прочие сухофрукты — старый северянин знал, что

не испортится в долгом пути. Написал адрес: «Ямальская тундра. Сейчу Сэротэтто».

В 1874 году, будучи проездом в Архангельске, он отдал посылку купцу, собирающему обоз с товаром, чтобы по первопутку отправиться в Обдорск на ярмарку. Крузенштерн убедил купца — Сейч Сэротэтто на ярмарке будет обязательно со своими мехами, рыбой и прочими дарами тундры, а если не он сам, то кто-нибудь из его богатого рода.

Сэротэтто давно восстановил поголовье стада. Он исправно собирал ясак и сдавал государевым приказчикам. Присутствовал на всех зимних ярмарках в Обдорске. Люто торговался с купцами. И вот однажды подошел к нему русский купец и осведомился: он ли является Сейчем Сэротэтто. Тот подтвер-

дил свое имя и получил на руки посылку. Сейч с гордостью прошелся с посылкой по всем торговым рядам ярмарки, хвастаясь, что ему постоянно шлют посылки и письма из столицы. Этот проход добавил ему еще больше авторитета, уважения и зависти.

В свой чум Сейч пригласил только брата. По-братски разделили содержимое посылки, заглянули в шкатулку, увидели строгий лик царя, и хозяин передал красивую вещицу жене, та успешно спрятала ее в походный сундук, где уже долгие годы хранился пергамент Павла Павловича Крузенштерна. Саша медленно прочитал письмо по-русски, переводя каждое предложение на родной язык. **УС**

▼ Шкатулка с документами

УРАЛЬСКИЙ ISSN 0134-241X
следопыт
www.uralstalker.com

февраль 2015

Аэлита

50 **Законы Вселенной**

НАДЕЖДА БАУМАН
Галерея добрых дел
Марвуса Монтойи

50

62 **Координаты чудес**

ИЛИЯ МАЙКО
Вспомнить будущее

62

Галерея добрых дел Марвуса Монтойи

Надежда Бауман

Всю жизнь работала с текстами как журналист и копирайтер, но писать художественную литературу начала недавно — в 2013 году. Это было детской мечтой — создавать волшебные миры и рассказывать невиданные истории. Сегодня написано несколько рассказов, есть задумки для крупных произведений. По образованию специалист по рекламе; работала маркетологом в крупных IT-компаниях. Под фамилией Франк выпустила две нонфикшн-книги, посвященные американской рекламе и культуре потребления («Просто сделай это», АСТ; «Эпоха служит рекламистам», самиздат). В настоящий момент живет в штате Нью-Джерси, США.

Первое время говорили, что Монтойя сошел с ума. «Не стоит ожидать ничего иного от новичка, которому легко достались финансовые возможности и мнимый авторитет в художественной среде, — писал колумнист консервативного издания «Грейт Американ ревью». — Поведение типично. Сначала счастливчик эпатирует публику цветастыми нарядами, а затем губит возмутительными решениями перспективный культурный проект. Одному богу известно, как господин Монтойя убедил инвесторов. Но мы, представители социума, должны понимать, что сумасшествие этого «деятеля искусства» оставило сферу броских пиджаков и перекинулось на более высокую материю — будущее американской культуры».

Другие журналисты, критики и эксперты высказывались аккуратнее, но задумка Марвуса Монтойи вызывала недоумение у всех. Некоторые верили, что галерею строят совсем в другом месте, а фундамент в «мертвом городе» Детройте, штат Мичиган — для отвода глаз и шумихи. «Эдакий прогрессивный художественный перформанс в масштабах национального медиапространства», — предположил автор «Хаффингтон Пост».

Но вот поступили первые отчеты со стройки: здание по проекту Л. Ф. Вайта, одного из самых перспективных архитекторов современности, будет закончено в срок. «Классическая линейная архитектура галереи повторяет формы автомобильных заводов Детройта; фасад выходит на заброшенный цех по производству «Кадиллаков», — говорилось в пресс-релизе.

Ресторанный холдинг «Рондабо» заявил, что разместит свои точки на каждом этаже галереи, и посетителям будут предложены блюда, «разработанные специально для тонких ценителей искусства».

— Издевательство над жителями Детройта, вот что это такое, — прокомментировал в визиоэфире последнюю новость критик и общественный деятель Равон Пауль. — При всем уважении к Марвусу... Он не только строит галерею высокого искусства в самом бедном районе нашей страны, но и полагает, что горожане смогут позволить себе ужин в «Рондабо»?!

Но все уже смутно понимали, чего хочет Марвус Монтойя. Он, конечно, не признавался. От прямых вопросов уходил, уловки репортеров раскусывал с блеском.

— Неужели никто не может прижать к ногтю этого разукрашенного петуха?! — выразилась однажды в тесном кругу Лидия Вилдон, куратор направления современного искусства в музее «Смитсоуниан».

— Разве такого прижмешь? — пожал плечами кто-то из присутствующих.

И правда. Высокий, плечистый Марвус Монтойя благодаря пестрым турецким огурцам на одежде казался вовсе исполином. Он звенел украшениями, шутил, громогласно хохотал и оттого будто бы занимал еще больше места. Человек-гора — что в жизни, что в визиоэфире. На словах и в поведении безобидный и дружелюбный, но попробуй надави на такого — черт знает, что выйдет!

Так что журналисты не торопили события и писали о «Галерее-Детройт» осторожно. Точнее всех выразился аноним, оставивший комментарий к визиорепортажу с Равоном Паулем: «ММ (что означало — Марвус Монтойя) получит либо величайшую социально-экономическую победу посредством искусства, либо загубленную репутацию и дыру в миллиарды долларов». Картинкой профиля у анонима служило анимированное полотно «Превращение Нарцисса» всеми забытого европейского художника Сальвадора Дали.

Итак, все, кто был способен мыслить дальше газетных заголовков, уже догадывались, чего хочет добиться Марвус Монтойя, и с замиранием сердца ждали ответа на вопрос «Получится ли?».

Гарри Вокер к тому времени уже год проработал на внештатном контракте в «Нью-Йорк Таймс». Он не был звездой журналистики, но и зеленым новичком тоже не был. «У тебя есть чутье», — говорил ему редактор, намекая, что неплохо приложить к этому качеству немного старательности.

И теперь чутье подсказывало Гарри Вокеру: интервью с Марвусом Монтойя надо сделать прямо сейчас, чтобы в день открытия галереи материал уже был готов. И пока все визиоканалы и издания будут в один голос перечислять список гостей на церемонии, он, Гарри Вокер из «Нью-Йорк Таймс», предложит читателю вздумчивую статью, которая поможет иначе взглянуть на великого Монтойю, понять его замыслы и увидеть в нем... Тут Гарри не стал додумывать, а бросился к телефону назначать встречу.

Монтойя согласился принять журналиста в своей нью-йоркской квартире вечером в среду, извинившись, что не может выделить иного времени в графике.

Квартира находилась в красном четырехэтажном здании в Виллидже («Когда выбор стоит между снобизмом верхнего Ист-Сайда и духом творческого разгильдяйства, что царит в артистических районах нижнего Манхэттена, Марвус выбирает последнее», — написал Гарри в статье). Дверь отворил человек в светлой одежде. «Гость, что ли, или прислуга?» — лениво подумал Гарри и чуть не ахнул, приглядевшись: перед ним в светлых льняных брюках и серой рубашке стоял сам галерист.

— Господин Монтойя? — голос Гарри звучал недостаточно уверенно для приветствия. Хотелось

добавить: а где же ваши турецкие огурцы, золото и жемчуг?

— Гм. Вряд ли у меня получится убедить вас, что это не я и вы ошиблись дверью. — Мелькнула белозубая улыбка. — Проходите, мистер Вокер.

Гарри робко переступил порог. Он начал перебирать в голове имена знаменитостей, в чьих домах, офисах и студиях побывал. Мантра помогла, и стеснение отступило. Он окинул взглядом помещение.

«Только корешки диакинг здесь свидетельствуют о том, что в квартире обитает человек, близкий к искусству, — напишет он позже. — Я говорю, что я не могу найти ни единой визиограмки, голостатюэтки или даже старомодного интерактивного холста, а Марвус смеется и объясняет: он въехал сюда недавно и почти ничего не трогал после предыдущих хозяев».

— Избавил их от расходов на вывоз всего этого мусора, — добавил галерист и подергал верхнюю пуговицу рубашки, чтобы запустить под ткань воздуха. То лето в Нью-Йорке по жаре превзошло все предыдущие. — А у меня никак не найдется времени, чтобы навести тут красоту. Досадно, конечно, но лучше обустроить мир снаружи, чем пространство в своих четырех стенах, верно?

Гарри кивнул и осторожно отхлебнул из бутылки холодный «Будвайзер». Пыльная дыра в Виллидж, дешевое пиво, простая одежда на мастере эпатажа — все это казалось иллюзией или ловким спектаклем. Журналист вспомнил, как пару лет назад художник Йотио Камото сделал ничего не подозревающих репортеров «Эсквайера» участниками перформанса. Может, и он пешка в хитрой комбинации? Но нет — Монтойя не стал бы повторяться за японцем. Гарри заглянул в план интервью.

— Полагаю, скоро вы большую часть времени будете проводить в Детройте? — закинул он удочку.

Монтойя рассмеялся, едва не расплескав пиво. Он вообще смеялся по всякому поводу («будто любое явление жизни заслуживает того, чтобы сделать его объектом радости»). Щеки у него стали похожи на две румяные булочки, а черные глаза исчезли в складках кожи.

— Ну уж нет, — пророкотал он. — Я на эти фокусы не попадусь. Конечно, появление в таком наряде выглядит как обещание быть откровенным, — Марвус развел руками над своим одеянием. — Но давайте так: я отвечу честно на любые вопросы, кроме вопросов о Детройте, пойдет? И не пишите, как я одет.

— Выходит, я напрасно все это придумал — «аскетичная рубашка в фермерском стиле, подчеркивающая...»

— Слово «аскетичный» не должно покинуть этих стен!

Хозяин снова захохотал. Гарри поерзал на продавленной софе. Он не понял, говорил ли Марвус серьезно или с самого начала ломал комедию. Досадно, конечно, что о Детройте не получится узнать. С другой стороны, самый могущественный человек в современной культуре пообещал отвечать честно...

— Говорят, эссе о «Тайном послании» Ван Версе на написали на самом деле не вы! — выпалил Гарри. Теперь, наверное, следовало ждать удара в челюсть — неспроста ни один журналист не осмеливался заявить это Марвусу в лицо. Но тот лишь покачал стопой, обутой в мокасин из грубой парусины.

— Многим не хочется верить, что лучших художественных критиков обошел необразованный латинос. Да, тогда мне вправду недоставало образования... Я родился и выучился в крохотной южноамериканской стране. Вы, если и слышали о ней, то ре-

шили, что это название соуса. И вот что я предлагаю всем, кто считает меня лжецом и плагиатором: слетайте в мой родной край и посмотрите, мог ли там кто-нибудь еще изучать картины Ван Версена.

Он замолчал, глядя на Гарри в упор («миролюбиво ожидая ответа на вызов...»). Гарри выдержал взгляд и спросил:

— То есть вы признаете, что знаний для этого открытия вам не хватало?

— В этом вопросе я солидарен с моими критиками.

— Но как же вам удалось?..

— Все гораздо проще, чем кажется, — Монтойя махнул рукой с бутылкой пива и приложился к горлышку. — До двадцати семи лет я ни разу не видел визиограммы. Закончил школу, получил диплом учителя рисования, пять лет проработал в той же школе, и все — на стареньких жидкокристаллических экранах. Вы когда-нибудь пробовали анализировать классическую живопись на ЖК-экране? Попробуйте ради интереса, вот только я не уверен, что в Нью-Йорке можно найти хотя бы один.

Журналист вспомнил телевизор своей бабушки. Картинка там была хуже некуда, глаза быстро уставали, а глубина и объем были лишь красивыми словами в описании на рекламном буклете. Марвус продолжал:

— Я купил визиограф, и в тот же день Ван Версен угодил под левикар. Все заговорили о его загадочном «Тайном послании», и мне, конечно, стало интересно. Всю ночь просидел, пялясь на картину. Я спрашивал себя: зачем художнику в 2072 году воссоздавать библейский сюжет, да еще устаревшей техникой масла на холсте? На визиограмме я смог изучить каждое движение кисти и понял, что маз-

ки идут в строгой последовательности. В ней легко узнавался бинарный код. — Он снова отхлебнул пива. — Кстати, и тут повезло — будь в нашей школе современные компьютеры с многомерной логикой, я бы в жизни ни о чем таком не догадался.

Гарри кивнул. Он читал это эссе. Марвус убедительно доказывал, что настоящее «тайное послание» зашифровано на картине Ван Версена с помощью трех инструментов: устаревшей техники живописи, устаревшего библейского сюжета и устаревшего компьютерного кода. Эссе стало для Монтойи билетом в мир большого искусства.

— И вы поняли все это благодаря прогалам в образовании?! — восхитился журналист.

— Я был деревенщиной. Сейчас-то понимаю, что меня здорово переоценили в первые три года, пока я не набрался опыта. Повезло, что в искусстве трудно отличить образованность от невежества. Искусство дурачит.

— Опасное заявление для человека, который с его помощью нажил состояние, — осторожно заметил Гарри. Многие знатоки до сих не могли понять: Монтойя открывает перспективных художников или художники становятся перспективными оттого, что критик указал на них.

Хозяин ответил не сразу. Он достал из морозильного шкафчика еще две бутылки. Одну протянул гостю, из второй отпил сам и какое-то время внимательно смотрел на этикетку, словно она могла сказать ему что-то новое о «Будвайзере».

— Я провел год на выставках и презентациях, прежде чем понял беду современного искусства. Оно не нужно людям, — сказал он. — Раньше оно украшало их дома, увековечивало черты их лиц, очеловечивало богов... А теперь? Теперь музеи стали цирками уродцев. Люди идут туда, про-

читав обзор в высоколобом журнале, а потом рассказывают друзьям, как свихнулся очередной модный художник — устроил выставку кошачьих экспрементов!

— Но вы-то понимаете смысл такой инсталляции?

Марвус усмехнулся:

— Ни за что не заведу дома кошку.

Он откинулся на спинку софы и снова подергал ворот рубашки. Гарри украдкой оглядывал помещение и делал пометки в диаблоте: «мелодичный гомон за окном», «коралловые занавески», «говорит о сложных явлениях с легкостью, которой не хватает многим евангелистам современной культуры». Монтойя продолжал:

— Но зачем обществу искусство, которое заставляет ощущать себя болваном? Я не нашел ответа на этот вопрос. Разрыв слишком велик. Это пропасть, где на одном краю публика, на другой — художники. Я не смогу обучить искусствоведению одних и не смогу убедить других стать ближе к людям.

Гарри оторвался от попытки охарактеризовать всю мебель в комнате разом — она была слишком разномастной, и посмотрел на Марвуса.

— Стало быть, нужно построить через пропасть мост? — предположил он, не очень понимая, куда заведет эта метафора.

Марвус поставил на пол бутылку и посмотрел на потолок.

— Надо просто заставить искусство решать настоящие проблемы, — пробормотал он задумчиво. Затем встряхнулся, словно очнувшись ото сна, и заговорил другим тоном: — Вот, например, молодые художники и вопросы менторства...

И он вдруг резко сменил тему.

Тем вечером они поговорили о перспективах галерейного бизнеса (ни слова о Детройте!), обсудили несколько свежих имен из Нью-Йоркской школы перформанса. От приглашения на церемонию открытия галереи Гарри отказался с искренним сожалением — работа! Провожая его к дверям, Марвус весело выкрикнул:

— И помните: о рубашке — никому!

Гарри шагал по наполненным светом и ресторанными запахами улицам Виллиджа и ощущал, как диктофон приятно оттягивает карман. Чутье подсказывало, что у него в руках прекрасный материал. А еще — что Марвус Монтойя на самом деле признался, чего же он действительно ожидает от «Галереи-Детройт». Галерею открывали в хмурый четверг, и списку приглашенных гостей позавидовал бы король Великобритании. Авиаперевозчики немало заработали на продажах в первом классе, а местные аэропорты едва смогли разместить все частные флаеры. Визюграммы с торжества украсили обложки ведущих изданий. Статья Гарри под заголовком «Галерея добрых дел Марвуса Монтойи» вышла одной из первых. Ее дополнили фотографии с открытия: вот Марвус в неизменной рубашке огненной расцветки (неизменной, как же, хмыкал про себя Гарри), вот рядом с ним архитектор Л. Ф. Вайт и кто-то из современных художников, а вот галерист жмет руку губернатору штата Мичиган.

Еще через три месяца появились новости, которые вернули Монтойю на первые полосы. В основном эти новости состояли из цифр.

С момента открытия новое детище Марвуса посетили десять тысяч человек, из них две тысячи приехали из заграницы. Туристы платили за проживание в гостинице, аренду автомобиля, ужины,

парковку частного флаера... Они оставили в Детройте в общей сумме более миллиона долларов. Эксперты утверждали, что доход штата от налогов такими темпами вырастет на сорок процентов.

Затем в городе вдруг появилась работа, впервые за сто с лишним лет. Близлежащие парковки, гостиницы, кинотеатры, теннисные корты и парки развлечений объявили набор сотрудников. Владельцы ресторанов спешно переводили меню на немецкий, французский, китайский и русский. Стали открываться новые магазины и кафе, вырос спрос на коммерческую недвижимость. Особым шиком стала покупка полуразрушенных зданий.

Универмаг «Мейсис» разместил модные бутики в цехе заброшенного автомобильного завода. В древнем готическом Театре Объединенных Художников провели необычный ремонт: внешне все осталось таким же обветшалым, но у зрителей была гарантия, что их не пришибет кирпичом или доской. Впервые с 1984 года на сцену вышли актеры и сыграли Шекспира среди кулис, украшенных плесенью вместо оборок.

Экспонаты галереи тоже урвали долю внимания прессы. Много писали об инсталляции Франсины Кэмпбелл. Она представляла собой две стены: на одной нагромождены «Бьюики» и «Лексусы» образца прошлого века, а на противоположной — оборудование с автомобильного завода. Стены сближались, и гладкие бока автомобилей оставляли вмятины на грубых прессах и ржавых конвейерных лентах.

Группа архитекторов и художников «Амбассадорс» восстановила детройтский дом банкира Уильяма Ливингстона. Здание было известно выступающей круглой башенкой, которая к середине двадцатого века покосилась так, будто танцева-

ла ламбаду. Реплика, созданная «Амбассадорами», действительно танцевала и приводила детей в восторг, пока ее не приобрел для личной коллекции какой-то арабский шейх.

Итальянский скульптор Курус Вальетти предлагал каждому посетителю «Галереи» возложить кирпичик из клубничного желе в стену «типичного детройтского дома». На ночь конструкцию оставляли в тепле, желе таяло, и посетители следующего дня возводили стену на его останках (на входе раздавали бахилы). Арт-критики захлебывались похвалами в адрес глубокого символизма этого экспоната. Детройтские рестораторы увидели в нем вдохновение для нового десерта.

Один за другим известные художники и дизайнеры из обеих Америк, Европы и Азии заявляли о желании провести эксклюзивную выставку именно в «Галерее Детройт». Еще через год регион впервые отчитался о позитивной динамике в экономике. Преступность падала, уровень дохода рос вместе с качеством жизни, количество незаселенных зданий в пригороде сократилось на треть. Издания соревновались в том, кто краше выскажется о предприятии Монтойи.

«Марвус провернул самый ловкий трюк в истории человечества, заставив обеспеченных ценителей искусства отчислять средства на социальные нужды», — писал «Файненшал Таймс».

«Арт-вестник» предлагал свою версию: «Это гениальнейший перформанс современности. Богемная публика платит за экспонаты, деньги идут в казну штата, а оттуда — на больницы, школы, поддержку бездомных. Уберите промежуточное звено, и мы увидим идеальную модель функционирования общества. Монтойя словно хочет сказать нам, что элитарное искусство суть пустыш-

ка». Республиканские издания, впрочем, называли это «возмутительной демократизацией искусства» и негодовали оттого, что, «спекулируя любовью обеспеченного класса к искусству, Монтойя помогает бездельникам, живущим на пособие».

14 октября 2083 года, через десять с лишним лет после того, как Марвус Монтойя опубликовал первое эссе, в «Галерее Детройт» закончилось место на табличке, где размещали имена покровителей и меценатов.

Жизнь Гарри Вокера шла своим чередом. Статья о Монтойе была звездным часом, но потребовалось еще много лет кропотливой работы, прежде чем он стал автором, которому в любой редакции предлагали кофе из свежемолотых зерен, а не из прессованных таблеток. Он обзавелся собственным кабинетом в «Дейли Обзервер». Начал исполнять студенческую мечту — работать над книгой-биографией поэта Уильяма Эшблесса. Успел жениться, стать отцом, развестись, жениться еще раз и снова, как он говорил, напортачить, когда в один из теплых весенних вторников пришло сообщение из Бангладеша.

Пробежав новость глазами, Гарри выскочил в коридор. Это, должно быть, шутка, подумал он. Ужасно похожая на правду, но шутка. Все знают про то интервью с Монтойей, вот и решили так надо мной пошутить...

Но в общем коридоре его встретили испуганные взгляды и восклицания «Не может быть!». Подошел главный редактор — левая рука в кармане, в правой чашка кофе, спросил:

— У тебя ведь остались его контакты?

Гарри кивнул.

Нет, это не было шуткой. Незвестные действительно захватили левибус с французскими сту-

дентами в нескольких километрах от «Галереи-Дакка»... Ради которой несчастные подростки и поехали в этот богом забытый край. «Преступников интересовали ценности: пропали деньги, украшения, электронные устройства. Живых нападающие не оставили», — холодно описывала произошедшее сводка из новостного агентства. Упоминание галереи встречалось в каждом заголовке.

Монтойя ограничился официальным, хоть и теплым выражением скорби, и не давал больше никаких комментариев. Дозвониться до его пресс-секретаря удалось только через два дня. Голос в трубке звучал вежливо и холодно: господин Монтойя не планирует общаться с прессой в ближайшее время.

— Я тот самый журналист, который обещал молчать о рубашке! — в отчаянии воскликнул Гарри.

Спустя час он получил сообщение с датой и временем встречи. Чэнду, отель «Шангри-Ла», четверг в полдень.

— Я не хотел с вами встречаться, — сказал Монтойя, пожимая ему руку.

— Тогда почему согласились? — опешил Гарри и растерянно посмотрел на пресс-секретаря. Китайка-тростинка, затянутая в бизнес-костюм, легонько покачивалась на бесконечных каблучках. Ее лицо ничего не выражало.

— С другими я не хотел встречаться еще больше. Спасибо, что позвонили.

Марвус не улыбнулся. На нем была туника в малиново-желтую «гусиную лапку» и бордовые брюки; он выглядел ярким пятном на фоне кипенно-белых стен люкса. «Кровавым пятном», — отметил про себя Гарри и тут же поклялся, что никогда не использует это в статье.

Монтойя отпустил китайку и поманил Гарри за собой вглубь номера. В помещении не было ничего, кроме кровати и панорамного окна с видом на солнечный Чэнду. Они уселись прямо на белоснежный ковер. Гарри изумленно разглядывал номер, и Марвус пояснил:

— Велел убрать отсюда все, кроме кровати. Нет сил находиться среди этих кремовых обивок и крученых ножек.

Журналист кивнул и набрал в грудь воздуха. Список вопросов он держал в голове. Оставалось выбрать между «Чувствуете ли вы свою ответственность?» и «Были ли у случившегося предпосылки?». Но вместо этого Гарри выпалил:

— Как вы держитесь?

Марвус посмотрел на него, будто увидел впервые, и приподнял густую черную бровь:

— Если вы имеете в виду финансовые и репутационные убытки, то об этом лучше спрашивать у аналитиков. Совет акционеров держит целую ораву.

— Я не об этом, — замялся Гарри. — Как вы... Как вы себя чувствуете?

Монтойя помассировал лоб, разгладил складки на брюках, и наконец, сказал:

— Эти нападавшие... Они не террористы, не религиозные фанатики, не борцы за... — Он покрутил кистью в воздухе. — За что бы они там в Бангладеше ни боролись. Ничего подобного. Это бедняки и работяги. Трех уже нашли — они пытались продать на рынке краденые компьютеры и телефоны. Их дети ходят в школу, которую невозможно было бы построить без налогов «Галереи».

Марвус прислонился спиной к стене и закрыл глаза. Его лицо исполосовали блики солнца.

— Почему они напали? — заговорил он, не открывая глаз. — Потому что хотели денег. Почему потребовалось убить тридцать человек? Потому что чертовы богачи, разве можно их жалеть? И вы спрашиваете, как я себя чувствую?

Гарри вздрогнул, когда на него в упор уставились два черных глаза.

— Я чувствую себя преданным, — тихо сказал Марвус Монтойя.

Больше Гарри не удалось узнать ничего дельного. Галерист отвечал односложно, то и дело советовал побеседовать с аналитиками или пресс-секретарем. Дверца в комнату с откровениями приоткрылась еще раз лишь напоследок, когда Монтойя сказал:

— Еще неделю назад я похвастался бы вам, как мы превратили германские трущобы в новый культурный центр Европы. Ни один немецкий музей не привлекал туристов так, как «Галерея Рур». Или как Сибирь вдруг стала самым популярным регионом России... Я гордился этим. А чем мне гордиться теперь?

Гарри не нашелся, что ответить. Он попросился, а когда закрывал за собой дверь, Монтойя окликнул его:

— Эй, друг, не жалейте меня! Это не мои дети погибли под Даккой.

Гарри кивнул, закрыл створку и пробормотал:

— Не думаю... Не думаю.

В редакции он сказал, что у Монтойи изменились планы и он не смог принять его. Редактор долго возмутился, что позволяет себе этот петух в турецких огурцах.

Впервые после открытия «Галереи-Детройт» Монтойю снова начали называть сумасшедшим.

«Выходец из бедной семьи с болезненным стремлением к личной выгоде, — писали газеты. — Он

не только осквернил искусство откровенной коммерцией, но и обогрил его кровью, когда не позаботился о безопасности тех, кто хотел прикоснуться к великим творениям».

Будто не было всех этих статей, где анализировалось влияние галереи на экономическое развитие региона; будто те же самые издания не называли Марвуса единственным деятелем эпохи, который сделал себе имя и инвестировал его в благо человечества. Все словно забыли о больницах, школах и приютах, которые удалось построить на возросший доход от налогов. Теперь о проектах Монтойи рассказывали и писали совсем другое.

Так, нашлось не меньше десятка посетителей «Галереи-Дакка», которые пострадали от карманников в Бангладеше. Исламское население Германии напомнило, что каждый второй объект в «Галерее-Рур» оскорбляет чувства верующих. Детройтские рестораторы живописали, как их витрины и вывески пострадали от демонстраций, вызванных выставкой голландского художника.

Во всем, конечно, был виноват Марвус Монтойя.

— Он надсмехался над нами, ценителями искусства, — ворковала на визиокамеру старушка, по виду которой было понятно, что из всех искусств она выше всех ценит ювелирное. — Сама идея галереи в неблагонадежном районе является пощечиной высшему обществу.

«Первый удар ММ нанесли бедняки, которых он так старался защитить, — записал Гарри в блокноте. — Но добивают его снобы из высшего класса, что лишь доказывает: невежды не отличаются друг от друга, живут ли они в пентхаусе на семидесятой улице или в трущобах Бангладеша».

Казалось, Гарри единственный из всех людей на земле понимает, что это не крах бизнеса, искус-

ства или самой идеи «Галерей». Это был личный крах Марвуса Монтойи.

Вскоре Марвуса отстранили от должности исполнительного директора и отдали в его подчинение единственную «Галерею-Аддис-Абеба».

Следующие два года Гарри Вокер, по его собственным словам, «налаживал свою жизнь». Со второй женой он начал ходить к психоаналитику и переехал в пригород, «чтобы быть поближе к природе и друг к другу». Правда, теперь он реже видел детей — добираться к ним стало невыносимо долго, а с друзьями общался и того меньше. Зато успел выпустить две книги. Издатель заявил, что биография Уильяма Эшблесса обречена стать растопкой для каминов, и Гарри писал о знаменитых людях своего времени, со многими из которых он был знаком лично.

Было утро пятницы, и солнечные лучи позолотили воду в душе — выглядело так, будто это свет течет из лейки. Сонный Гарри смотрел на блестящие ниточки воды, когда зазвонил телефон. Номер был неизвестен.

— Гарри, друг, ты все еще никому не проболтался о той рубашке, верно?

— Марвус? — удивился Гарри, выключая воду и садясь на край ванны.

В трубке раздался хохот, и Гарри почувствовал... Словом, приятно было знать, что Марвус Монтойя снова может смеяться. Галерист пригласил его на вечеринку в Аддис-Абебе, пообещав, что его секретарь позаботится о билетах и с жильем проблем не будет. Гарри согласился.

— Аддис-Абеба? Бог мой, где это? — Лилли швырнула в раковину лопатку, которой сняла со сковороды яичницу, и Гарри понял, что жена не в духе.

— Африка, — сказал он. — Часов пять лету. Это займет все выходные, так что встречу с Эдом в понедельник придется перенести...

— Встреча с Эдом?! — Лилли округлила глаза. — Это что, твоя единственная проблема? Гарри, а как же мои чтения на фестивале науки? Ты обещал!

Гарри едва удержался, чтобы не фыркнуть. Как и многие, он считал новую книгу Лилли псевдонаучной, хоть и не мог заявить об этом вслух. Он даже радовался, что пропустит фестиваль — не хватало еще захрапеть в первом ряду... Но ссоры избежать не удалось. Лилли кричала, что миллионер-латинос ему важнее, чем собственная жена, и что это, интересно знать, за вечеринка, которую нельзя провести нигде ближе, чем Африка?! Она хлопнула дверью спальни.

Гарри умылся в гостевом туалете и посмотрел в зеркало. Волосы на висках поседели, у губ пролегли складки, но не такие, какие бывают от частого смеха. Он вдруг понял — ему почти сорок, и все катится к черту.

В аэропорту его встретил водитель — худой, как жердь, и черный, как меласса в фермерском пироге. Он проводил Гарри в представительский левикар и сообщил, что поедут они не в «Галерею», а прямоком в дом господина Монтойи.

Из эргономичного кресла в кондиционируемом салоне Гарри глазел на трущобы: дома из картона, люди, прячущие выпирающие ребра под лохмотьями, облезлые собаки.

«И это в конце двадцать первого века, когда пищевая индустрия утилизирует еды в два раза больше, чем требуется, чтобы накормить все население планеты! — ужасался он. — Монтойя, должно быть, святой, если каждый день смотрит на этот кошмар и помогает бедолагам, как может».

Дом был сделан из белого камня и матового стекла. Простота прямых углов, в которых чувствовалась рука архитектора Л. Ф. Вайта, компенсировалась рельефным орнаментом по камню. Гарри не успел рассмотреть узоры — навстречу ему вышел хозяин дома. Он поприветствовал журналиста как лучшего друга.

— Проходи, проходи, — Марвус белозубо улыбнулся. Сегодня он облачился в шелковый костюм с узором «земляничный вор», игравший на солнце золотыми и изумрудными бликами. — Все уже почти в сборе...

— Смотрю, у тебя нашлось время заняться своим жилищем, — заметил Гарри, когда они шагали по просторному холлу, декорированному панелями цветного стекла и визюоскульптурами. Марвус усмехнулся:

— Нельзя же все время только давать, верно? Караваджо покажет тебе мою коллекцию. — Он повернулся к чернокожему помощнику. — Когда все посмотрите, приведи его в аквамаринный зал.

Гарри остался наедине с юношей.

— К-караваджо? — переспросил Гарри.

— Господин не любит имена на амхарском, — невозмутимо ответил тот. — Пройдемте, я познакомлю вас с экспонатами начала века.

Осмотр занял больше часа. Очевидно, когда Монтойю понизили до управляющего всего одной галереи, у него появилось время на личную коллекцию. Но Гарри узнал много и других подробностей жизни галериста в Аддис-Аббебе. Оказалось, например, что вся усадьба называется «Соломоново логово» и здешний персонал Марвус именует не помощниками, а слугами.

Гарри размышлял о том, что это за колониальный перформанс устроил Монтойя в своем жилище, ког-

да Караваджо распахнул перед ним двери аквамаринного зала. Журналист ахнул. Огромное пространство с причудливыми нишами в стенах из белого камня и сверкающей голубизной пола — словно мечта человека, которого в детстве не пускали на каток в Рокфеллер-Центре.

Помещение пустовало. Лишь в креслах у противоположной стены разместились компания из пяти-шести человек с бокалами. Монтойя, тоже с бокалом, стоял в центре зала и наблюдал, как человек в форме управляющего говорит что-то чернокожей девушке. Подойдя ближе, Гарри разглядел испуганное лицо девушки и разобрал слова управляющего.

— И если ты появишься тут еще раз, то уйдешь уже в наручниках, понятно?

Марвус глотнул игристого вина. Девушка всхлинула:

— Но я не смогу найти другой работы. — Она посмотрела на Марвуса и сцепила руки в молящем жесте. — Господин, моя семья...

Он отвернулся и зашагал в сторону кресел.

Всю жизнь Гарри будет считать себя виновным в том, что произошло дальше.

Управляющий поднял палец и произнес наставническим тоном:

— Это послужит тебе уроком...

Но девушки там уже не было. Она рванулась вслед за Марвусом и повисла у него на руке. Он уронил бокал, и Гарри узнал, какие красивые звуки издает стекло, разбиваясь об аквамарин.

— Отправьте меня куда угодно, хоть чистить канавы! — кричала она. — Только не выгоняйте! Не надо! Вы убьете меня, если...

Люди в креслах зашевелились, закричали; Гарри направился к ней, бормоча:

— Леди, леди, остыньте...

Но через секунду она уже лежала на сверкающем полу, а Марвус брезгливо потряхивал ушибленной кистью.

— Чокнутая стерва, — сказал он и посмотрел на управляющего.

— Простите, господин. Я все исправлю, — человек махнул рукой, и к девушке направились двое чернокожих слуг.

— Это всего лишь пластик! Проклятый пластик! — кричала она разбитыми губами, когда ее уводили под руки.

Ее крики утихли. Гарри смотрел на Монтойю, не зная, что сказать. От компании людей в креслах отделился светловолосый человек, подошел к ним и протянул Марвусу бокал взамен разбившегося:

— Пластик! — передразнил он и закатил глаза. Затем повернулся к Гарри и пояснил:

— Этот пластик стоит дороже, чем три такие страны. «Пиксельное облако», работа скульптора из Охайо начала века. Марв купил его пару лет назад, я ничего не путаю, Марв? А эта стерва... Что она там поцарапала или разбила?

Хозяин дома хмуро посмотрел на приятеля.

— Понятно, — кивнул Гарри и взял со столика бокал, чтобы занять руки. Ему ничего не было件нятно.

Послышались аплодисменты. Все обернулись на звук. Хлопала женщина, сидевшая в одном из кресел. Ее одежда, волосы и кожа казались сделанными из бумаги, из-за чего Гарри не заметил ее на фоне белых стен. Она медленно и размеренно ударяла одной ладонью о другую, глядя прямо на Марвуса. Затем поднялась и, чеканя шаг, удалилась. Светловолосый проводил ее насмешливым взглядом:

— Ну и пусть себе катится, правда, Марв? Не нравится ей. Мало ли, что тут кому нравится!

Монтойя пристально посмотрел на него и сказал:

— Вон.

— Что?

— Убирайся! — Марвус повернулся к притихшей компании в креслах. — Вы все! Тоже убирайтесь!

Светловолосый поперхнулся и залил багровыми каплями бежевый пуловер. Однако он и остальные ушли — без возражений, без комментариев, безвучно. Повисла тишина.

Гарри присел на софу и оглядел огромный зал.

— Ну, — сказал он, надеясь, что голос звучит весело. — А где же вечеринка?

— К черту вечеринку! — Марвус отбросил в сторону салфетку, которой массировал кисть. — К черту все! Все осточертело! Все!

Его голос зазвенел в пустоте тронного зала.

Пустота — вот в чем было дело, догадался Гарри. Интересно, сколько еще людей из тех, кто хоть однажды сочувствовал ему, Марвус приглашал сюда, стремясь ее заполнить? Гарри понимал, что не сумеет помочь. И никто не сумеет. И, сидя на белоснежном дизайнерском диване, в доме, полном предметами искусства и одиночества, он задал вдруг самый журналистский вопрос, какой только можно придумать:

— Что, если бы ничего этого не случилось, Марв... Марвус? Если бы не было Дакки?

Марвус откинулся на софе и ответил:

— Люди нашли бы другой способ разочаровать меня. Рано или поздно.

Так второй раз в жизни Гарри Вокер оказался журналистом, которому Марвус Монтойя признался. Только теперь это никого не интересовало.

Вечером Гарри собрался домой, объяснив, что ему непременно надо быть на чтениях книги Лил-

ли в Нью-Йорке. Марвус мрачно кивнул и велел слугам проводить гостя.

Когда Караваджо вез его в аэропорт, Гарри спросил:

— Вы не видели, у господина Монтойя есть однотонные рубашки?

— Что вы имеете в виду под однотонными, сэр?

— Ну серые или белые... Словом, без украшательства.

— Не думаю, сэр. Моя жена работает в прачечной. Она говорит, у господина Монтойя все вещи очень нарядные.

Гарри Вокер вернулся в свой дом в пригороде Нью-Йорка, еле передвигая ноги, с головой, гудящей от двух перелетов за день. Его встретили ключи Лилли на барной стойке и пустые вешалки в шкафах.

Он прошел в кабинет и достал старенький ридер с диажурналами, который хранил, чтобы время от времени перечитывать свои давние материалы.

В статье под заголовком «Галерея добрых дел Марвуса Монтойи» Гарри больше всего гордился последними строчками.

«Критики спорят о том, к какому берегу причалит современное искусство, ведомое такими лидерами, как Монтойя — к беспредметному кэмпизму или иррационально гедонистическому труизму? Эти споры не имеют смысла. На самом деле все существование Марвуса Монтойи направлено на то, чтобы доказать: самое необходимое из искусств для нас сегодня — это искусство любви к человечеству».

Гарри отложил журнал, взял в руки телефон, чтобы набрать Лилли, и неожиданно для себя самого разрыдался. **✎**

Вспомнить будущее

Илия Майко

Это псевдоним молодой писательницы, пожелавшей оставить настоящее имя в тайне. Ей 31 год, живет практически у подножия Уральских гор, в славном городе Пермь. Разного рода творчеством автор увлекается давно: с детства пишет стихи, а последние несколько лет – фэнтези. Еще играет на музыкальных инструментах и пытается рисовать – в общем, выкладывает свои мечты в самые разные формы, смотря к чему лежит душа в конкретный момент.

Мы привыкли к тому, что время течет строго по плану: 12:00, 12:01, 12:02... и так далее без сбоев. Из точки А в точку Б и только по прямой. А представьте, что сегодня вам двадцать, вчера было пятьдесят, а на прошлой неделе – восемь. И что, если переместиться можно дальше собственного рождения и смерти?

* * *

Моя жизнь перевернулась десять лет назад, когда на каникулы я поехал с друзьями в Индию. Шутя и фотографируясь на ходу, мы с моей девушкой Викой и лучшим другом Максом, опередив остальных, вбежали через ворота, ведущие к Тадж-Махалу. Ворота построены так, чтобы полностью загораживать основное здание. Поэтому до последнего его не видишь, а потом вдруг делаешь один шаг – и мгновенно возникает он, прекрасный белоснежный Тадж-Махал.

Восхищаются и любят им многие, но я все не такой ценитель архитектуры и прочего искусства, чтобы моя реакция на это место была хоть как-то объяснима: едва увидев его, я вдруг резко потерял равновесие, все стало туманным, кроме этого белоснежного здания впереди, голоса приятелей стихли, а затем я почувствовал, что меня очень бережно несут на руках.

– Амрит, малышка, ты не устала? – тихо спросила мама, наклонившись ко мне.

Мама?.. Ну, да, мама. Мысли в голове перепутались. Перед глазами был все тот же Тадж-Махал, нещадно палило солнце, толпы людей в разноцветных одеждах шли по дорожкам. Только собственное тело казалось мне странно легким, почти невесомым, все окружающие вдруг стали выше ростом, и почему-то казалось одновременно есте-

ственным и нелепым, что мама несет меня на руках.

А затем в голове прояснилось. Вот и папа рядом, и мой старший брат Викрант. Не покидало только ощущение, что мне только что приснился сон, а какой — не помню. Наверно, это от жары.

— Зря ты настоял на том, чтобы взять ее с собой, Риши, — чуть укоризненно сказала мама отцу. — Девочка, да еще такая маленькая, она и не запомнит, что была здесь, а устанет ужасно. Викранту надо привыкать помогать тебе в работе. Но дочку-то зачем везде с собой таскаешь?

— Она запомнит, Шивани, — с улыбкой уверенно ответил отец. — Поверь мне. Это место особенное. И люди со всего мира веками будут съезжаться сюда. Вот и она однажды вернется и все вспомнит, как только его увидит.

Эти разговоры и споры велись столько, сколько я себя помню. Уезжая куда-то, отец брал с собой Викранта и — игнорируя младших сыновей — меня. «Они еще маленькие» относилось к мальчишкам от пяти до двенадцати лет, но почему-то не касалось двухлетней дочери.

В общем, ничего нового сейчас для меня не было. Только странно коробили слова «она» и «девочка» в отношении меня. Словно что-то надо было вспомнить... но что?..

— Амрит, иди ко мне, — отец забрал меня с маминых рук. Теперь его голова была совсем рядом с моей. При этом возникло ощущение, что я помню каждую его черточку и при этом вижу впервые. Круглое улыбающееся лицо, черные волосы и борода, карие глаза... Вдруг он весело подмигнул мне, — ты не на меня гляди, а туда, — он указал на прекрасный Тадж-Махал, — смотри, какая красота. Однажды через много лет ты обязательно снова приедешь сюда.

Странное наваждение почти прошло: с папой всегда все казалось очень просто. Поэтому, повернув голову, я снова посмотрела на это великолепие.

— А почему никто не фотографируется? — вырвалось вдруг. Только что здесь была толпа, занимающая очередь ради кадра. А была ли?.. В голове снова затуманилось.

— ...что делает? — озадаченно спросил отец.

— ...фотографируется... — почти по слогам повторила я, только сейчас сообразив, что сказала это слово по-русски, в отличие от всех остальных.

Русский... Россия... фотоаппараты... туристы... мои друзья-однокурсники... Словно картинки мозаики смешались в голове, а у меня никак не получилось собрать их воедино.

Как будто два кадра фильма наложили друг на друга. В одном меня, двухлетнюю девочку в красном платьице, на руках держали родители-индусы, а в другом была толпа русских студентов, одним из которых был я.

Папа перехватил меня, взяв за подмышки, и посмотрел в глаза. Серьезно и задумчиво на этот раз. И в голове резко прояснилось: меня зовут Костя!! Я парень, мне двадцать лет... и что, черт подери, происходит?! Ведь девочка Амрит — это тоже я, определено.

— Аааааа!!.. — только и удалось мне заорать, желая изо всех сил оказаться Костей, которому все было просто и понятно.

Лица моих друзей стояли в голове. Но еще яснее виделись папины карие глаза.

— Макс!! — удалось вспомнить мне, наконец, имя лучшего друга. — Макс!!

И тут мне надавали по щекам и туман рассеялся.

— Костян, ты в порядке? Эй! — друг тряс меня за плечи.

Я стоял все так же, глядя на Тадж-Махал, а вокруг столпились обеспокоенные приятели.

— Черт подери, как же я рад всех вас видеть... — только и мог сказать я.

— Что случилось-то?

— Перегрелся?

— Воды давай выпей, — Вика протянула мне бутылку.

— Перегрелся, наверно, — выдохнул я, чувствуя, что и сам до конца еще не осознал, что же произошло...

С тех пор подобное случалось часто, и постепенно я понял основные правила этого процесса.

Во-первых, ситуация, являющаяся «дверью» для такого перемещения, должна быть похожей. Во всяком случае, должно произойти что-то одинаковое в моей жизни, Константина Лазарева, и того человека, которым я становлюсь.

Во-вторых, этот момент должен вызвать во мне более-менее сильные эмоции. Причем годятся любые: радость, злоба, восторг — что угодно, кроме равнодушия.

В-третьих, при перемещении я получал память этого человека, знание языка, даже менял пол, полностью ощущая себя мужчиной или женщиной без каких-либо моральных проблем по этому поводу.

И, наконец, каждый раз, перемещаясь, я ощущал всеми фибрами души, что это я, мое тело, моя жизнь.

При этом время и пространство, похоже, не имели ровным счетом никакого значения, поскольку попасть я мог на другой континент за столетия до своего рождения.

Впрочем, на самом деле перемещался я лишь в двух людей: маленькую индианку Амрит из начала 18-го века и немецкого парня по имени Маркус из конца 19-го. Единожды попав в их тела, я начинал чувствовать их, что давало мне впоследствии свободу попадать в их жизни по собственному желанию. Однако попасть по своему хотению куда-то еще я, увы, пока не смог.

...От воспоминаний меня отвлек мамин звонок.

— Дорогой, у тебя все в порядке? Не заходишь, не звонишь...

— Мам, ну, всего три дня не объявлялся, а ты уж и волнуешься.

— Конечно, волнуюсь! Костя, ты живешь один, как в пещере, хоть бы женился наконец, все б мне спокойнее было...

Ну, вот, мама села на своего конька. Ну, как объяснить ей, что мое сердце занято, но эта девушка не моя... Точнее, не совсем моя.

Ангелика... Мой милый светловолосый ангел. Однажды, гуляя по берегу реки, я увидел издали девушку в чем-то белом — и попал в уже знакомый туман.

— Птички, смотри! Клеменс, где птички? — Ангелика в длинном белом платье присела на корточки перед малышом, который едва учился говорить.

— Ачки! — довольно повторил наш сын, показывая пальчиком на озеро.

Так я впервые их увидел. Мою семью. Еще одну мою семью.

— Маркус! — она подняла на меня глаза, полные нежности и любви, и встала, беря за руку сына. — Пойдем к папе.

Я смотрел, как они подходят ближе, и не понимал, как же парень по имени Костя столько

лет мог жить без них. Бедняга!.. А еще мне-Косте вдруг безумно захотелось врезать по челюсти мне-Маркусу за то, что Ангелика не совсем моя.

Она обвила руками мою шею:

— Что-то случилось?

В ее глазах было столько нежности и кротости, так на меня никто прежде не смотрел. словно мой ангел-хранитель спустился с небес и воплотился в человеческом обличье. И за что она полюбила меня, бандита и вора? Ангелика навсегда изменила ту мою жизнь, спасла мою душу.

Вернувшись в тот раз из путешествия, я помчался к Вике, с которой тогда встречался уже пять лет, чтобы разорвать отношения, не имевшие, как я мгновенно понял, ничего общего с любовью.

— ...вот Танечка, моя соседка, ну чем не понравилась тебе? — продолжала между тем наставления мама.

— Она чудо... сущий ангел... — задумчиво пробормотал я, но тут же очнулся от мечтаний, — мам, хватит меня знакомить с девицами всякими. Я в состоянии найти себе девушку.

— Да уж, «в состоянии»!.. Вот Вика, какая чудесная девушка была, и умница, и красавица, и все при ней... Порвал отношения с ней на ровном месте, а она теперь с приятелем твоим Максимом построила нормальную семью. Поженились недавно, я видела их вчера.

— Отлично, флаг им в руки, — уже резковато ответил я, потому что тема Вики и моего бывшего лучшего друга Макса была болезненная.

Я и сам встретил их буквально пару дней назад. Счастливая парочка, держась за руки, важно проществовала мимо меня, старательно смотря мимо.

— Ладно, мам, мне бежать пора, у меня встреча с клиентом назначена, и машина как назло встала,

такси придется вызывать... — поспешил закруглить я неприятный разговор.

— Да? — на удивление радостно переспросила мама. — Хотя одна хорошая новость. А то вечно гоняешь, не пристегиваясь.

— Ты же знаешь: у меня с детства аллергия на ремень, — привычно пошутил я.

Такси я решил подождать во дворе, дома не сиделось. Мама, конечно, права: жил я как в берлоге. С девушками после встречи с Ангеликой всерьез встречаться не мог и друзей после ссоры с Максом тоже в свою жизнь не пускал.

Присев на свободную скамейку, я смотрел на играющих на площадке малышей. «Вот бы и наш Клеменс мог играть тут», — тоскливо пронеслось в голове, но я тут же, похолодев, одернул себя: «Так, спокойно. Я Костя. Костя, а не Маркус!».

Дети меж тем затеяли опасную игру: раскачиваясь на качелях, прыгали с них в полете в песочницу.

— Э-ей... — только привстал я, собираясь образумить прыгунов, но одна из девочек уже ударилась головой о край песочницы.

Все взрослые, находившиеся во дворе, помчались к закричавшим детям, а меня закружил знакомый туман.

— Отойдите, я буду прыгать! — собственный восторженный возглас вывел меня из обычного после перемещения забытья.

— Надя! — послышался сбоку встревоженный мужской голос.

Перед глазами мелькал в полете край моего розового платья и белые туфельки, а потом, по инерции уже приготовившегося к прыжку тела, оно дернулось вперед, а через мгновение резкий удар угла песочницы в висок меня отключил...

— Успокойтесь, мамаша, сядьте, — резковатый женский голос вывел меня из забытья. — О, вот и очнулась красавица.

Грубоватое лицо женщины лет сорока в белом халате склонилось надо мной, а на моей кровати сидели... Вика и Макс.

— Какого черта вы тут делаете? — не знаю даже, чего во мне было больше: удивления или раздражения.

Они переглянулись, а Макс нахмурился:

— Где ж нам еще быть?.. Ну, как ты себя чувствуешь?

— Вашими молитвами... — на самом деле мне хотелось выдать что-нибудь пожестче, чтобы они поскорее свалили отсюда.

— Надя! — собирался, видно, что-то резко высказать мой бывший друг, но Вика сжала его руку и придвинулась ближе ко мне, поглаживая меня по голове.

Ее вид меня несколько озадачил. Пышные жгуче-черные волосы убраны в строгий пучок, юбка до колен, вечно длинные ногти-когти коротко обрезаны... Куда делась яркая красотка, с которой я когда-то встречался?..

И тут взгляд мой упал на висевший на стене календарь. 2020-й год... В памяти закружились картинки очередной мозаики... Розовое платье на мне, качели, песочница, удар в висок... И это имя сейчас — Надя... Впервые после перемещения память нового человека не завладела мной сходу. Видимо, из-за того, что Костя Лазарев тоже знал этих людей.

— Папа?! Мама?!.. — признаться, ощущать себя новым человеком было не так жутко, как осознать, кто передо мной.

— Ну, слава Богу, пришла в себя, — поцеловала меня в лоб Вика.

Память молниеносно прояснялась. Вот мои мама и папа, а меня зовут Надя, мне шесть лет.

Честно говоря, возникло желание орать от ужаса. Я дочь этих предателей?! Да в страшном сне не приснится такое. А еще впервые мне всерьез захотелось разобраться, как работает эта система: почему я перемещаюсь в одних людей, а не в других.

«Папа Риши — вот кто мне поможет», — подумалось вдруг. Из всех моих близких в этих разных мирах он лучше всех, казалось, понимал, что со мной происходит. И, зажмурившись, чтобы не видеть обеспокоенные лица моих бывших друзей, а ныне родителей, я настроилась на Амрит. Спасительный туман закружил почти сразу. Какое счастье! А то, наверно, пришлось бы бежать от них по старинке, на собственных ногах.

Оказавшись в теле Амрит, мне удалось немного успокоиться. Индийская жара вообще не располагает к суете и беспокойствам.

Моя комната не изменилась. Как же хорошо быть дома после ужаса, пережитого в больнице будущего. Посмотрев в зеркало, я быстро поправила длинные черные волосы и красно-зеленое сари. В Костиной России начала 21-го века я бы, наверно, была совсем ребенком. А здесь в мои двенадцать лет уже надо быть девушкой.

Судя по звукам, отец находился в кабинете. «Хватит колебаться», — стараясь придать себе уверенности, я подошла к двери: «Пора поговорить».

К моему удивлению (а, впрочем, всегда чувствовалось, что папа Риши все понимает), мне даже не пришлось подробно объяснять.

— Так должно было быть, — спокойно кивнул он. — Для этого я и вожу тебя с собой по всей стране. Чтобы помочь тебе вспомнить. Как только

ты видишь что-то знакомое — это проясняет твою память. Поэтому ключ к ней — видеть как можно больше мест.

— Но почему я попадаю именно в этих людей? Почему не в других?

Отец засмеялся:

— Ты попадаешь в себя, дочка.

Меня аж передернуло:

— Ну, тогда у меня раздвоение личности... Точнее, уже расщепление...

— Разве? — он приподнял брови. — Вот сейчас ты моя дочь Амрит.

— Но я помню еще троих себя!

— Помнишь — да. Но ощущаешь ты себя как Амрит?

— Пожалуй, да...

Папа изучающе, с улыбкой смотрел на меня. А мне, честно говоря, подумалось, отчего он даже не спросит, как живут люди в другой стране в другом времени. Неужели ему совсем не интересно? Но он не спрашивал и ему, казалось, это совершенно безразлично. А, может, он просто сам все знает?

— А с тобой когда-нибудь такое случалось, папа?

— Нет, — он пожал плечами и задумчиво посмотрел в окно. — Каждому своя судьба.

— А что значит «попадаю в себя»? Ведь эти люди — Костя, Маркус, Надя — они не я, не Амрит?

Он улыбнулся и посмотрел на меня как на младенца:

— Если ты сейчас наденешь желтое сари или голубое, то ты перестанешь быть Амрит? Тело — это всего лишь одежда, малыш.

— То есть их жизни — они мои?..

— Конечно, — он засмеялся, — мне странно, что ты не поняла этого раньше. Ты что же, думала, что завладеваешь чьим-то телом на время? А какую же из этих жизней ты в таком случае считала своей?

Я заерзала на стуле:

— Кости...

— И почему? — карие глаза щурились от смеха.

— Потому что из его жизни начались перемещения...

— То есть первое сари, в котором ты себя помнишь — твое, а остальные чужие? — папа откровенно смеялся.

Я тоже улыбнулась. Признаться, самое радостное в этот момент для меня было понять, что он на самом деле мой отец. И Ангелика именно моя жена, а не чья-то, а Клеменс мой сын. И все мои братья, сестры, мамы и папы — они все моя настоящая семья.

— Но... если я вдруг вспомнила свои прошлые жизни, то как я могла туда попасть и что-то менять там?

— Менять как раз не советую, — посерьезнел папа. — А в чем проблема туда попасть?

— Ну, как же... — его легкое отношение к тому, что шокировало бы любого другого, меня поражало, — ведь это время прошло, его уже нет...

— Времени не существует, — он подошел к окну, чтобы прикрыть его. Стало душно, но зато шум улицы не мешал говорить. — Это иллюзия. Каждый миг существует здесь и сейчас, просто мы перемещаемся из одного в другой. Ведь соседняя комната не перестала существовать, если ты сидишь в этой?

— Почему же я не могу везде путешествовать, как Костя или как Амрит?

— Потому что если твоя душа шагнет в другое время, то окажется именно в том теле, в котором

существует там. Перемещается душа. Способов перемещения физического тела я не знаю, — улыбившись, он развел руками.

— А как я могла попасть в будущее? Ведь Надя, она...

— Опять ты о том же, вот чудачка! Какая разница, налево пойти или направо.

— Допустим... — голова, казалось, разбухла от обилия мыслей, — но как я могу быть одновременно двумя людьми?

— А вот так не бывает, — пожал плечами отец.

— Но... как же... — уже догадываясь об ответе, я похолодела, — Костя живет в 2013-м, а Надя родилась в... — я судорожно подсчитывала, — 2014-ом...

— Значит, в этот период и произошло перерождение, — спокойно кивнул папа и глотнул остывший чай из стоявшей на столе чашки.

Хорошо хоть он не употребил слово «смерть». Во всяком случае, его версия звучала не так жутко.

Находясь в теле Амрит, было не столь страшно ощущать эту новость, но все-таки в висках стучало: «Мне что — осталось жить меньше года?..». Нет, я все понимаю, точнее чувствую. Конечно, душа останется жить, будет Надя, и даже больше того: останутся все те же Амрит, Маркус и Костя, и я буду так же путешествовать в их тела. Но память материалиста Кости не давала покоя мучительно стучащим в голове словом «смерть». Да и, если отогнать эти страхи, просто жаль родителей — тех, Костиных, жаль его непрожитых лет, а ведь мне-Косте всего тридцать.

Именно сейчас встал на ноги, заработал на роскошную квартиру, бизнес едва закрутился, жизнь только началась... И променять ее на то, чтобы снова стать ребенком, да еще родиться у этих пре-

дателей, Вики и Макса?! К горлу подступила тошнота.

Я тряхнула головой, отгоняя мрачные мысли. Как хорошо, что у меня есть папа Риши, который вовремя мне все это объяснил. И как удачно, что Надя родилась так близко по времени к моменту смерти Кости и в том же месте. Думаю, мне не составит труда выяснить, как именно он погиб, и подстелить соломку. Здоровье у него как у космонавта, наверняка там произошел несчастный случай.

— Спасибо, папа, — я встала, мысленно настраиваясь на Надю, — мне очень важно все, что ты сейчас сказал.

Он изучающе посмотрел на меня и что-то явно собирался добавить, но я уже была в процессе перехода, и в следующее мгновение передо мной возникли напряженные лица Макса и Вики.

— Похоже, легко отделалась, — констатировала неприятная врачиха, бегло осмотрев меня.

— Я чувствую себя хорошо, — быстро добавила я, мечтая выбраться отсюда. — Мы можем поехать домой?

— Можно ее забрать? — повернулся к врачихе Макс.

— На рентгенографию черепа в пятый кабинет, и если все в порядке, то не задерживаю, — буркнула она, выдавая моим новым родителям направление.

Нас отпустили довольно быстро. Похоже, я действительно отделалась лишь небольшой шишкой.

— Пристегнись, — сказал мне Макс, когда мы сели в машину.

— Ты же знаешь: у меня с детства аллергия на ремень, — забывшись, привычно пошутила я и тут же прикусила язык, увидев в зеркале вздрогнувшие лица родителей.

— С какой это стати? — медленно спросил Макс.

— Слушай, я на заднем сиденье, какая разница! Так называемый отец, а в прошлом друг-предатель повернулся ко мне:

— Надя! Пристегнись немедленно!

Вика взяла его за локоть, словно успокаивая, и тоже обернулась:

— Надюш, пожалуйста, сделай, как папа сказал.

Закатив глаза, я пристегнулась. Не то чтобы мне очень было важно ее «пожалуйста» или очень страшны его приказы. Просто надо было уже куда-то двигаться.

За семь лет город неуловимо изменился: расширили почти все более-менее центральные дороги, вырубив деревья и сэкономив на пешеходных дорожках, поставили пару новых памятников, а, самое ужасное, что повсюду гремела аудиореклама, переглушая одна другую.

Макс подрулил к двухэтажному частному дому. Я знала эту жизнь, как и все остальные, лишь эмоции Кости делали новые воспоминания иногда туманными. Поэтому немного неуверенно я направилась к дому, соображая на ходу, где находится моя комната.

— Надюша, пойдем помоем ручки, и пора ужинать, — догнала меня Вика, беря за плечо и на ходу заглядывая в глаза.

— Да, поужинать не помешало бы. Мама. — Честно говоря, я не представляла, как с ними общаться. — А руки я умею мыть самостоятельно. — Я изо всех сил старалась сохранить нейтрально-вежливый тон.

Дом, право, меня поразил. А молодец Макс, как раскрутился... несмотря на злость, не восхититься было невозможно. Всего за каких-то семь лет

из однокомнатной квартирки заработать на такую машину — респект.

Ужин проходил в несколько напряженной атмосфере.

— Может, не стоит идти завтра на собеседование? — нарушила, наконец, молчание Вика, посмотрев на мужа. — Думаю, ей следует отдохнуть после сегодняшнего.

— Отдохнуть следует. — Нахмурившись, Макс вздохнул. — Но тогда нам придется осенью идти в обычную школу.

Ах, ну да. Они уже с полгода твердят про лучшую в городе гимназию. И завтра нам туда идти.

— Да, мне бы лучше отдохнуть, сегодняшняя травма вряд ли позволит мне хорошо сдать этот экзамен, — вставила я. Не слишком-то хотелось тратить время на дурацкое собеседование для жизни, которой просто не будет после того, как я изменю смерть Кости.

— Что-то болит? — тут же с беспокойством спросил Макс, положив руку мне на лоб.

— Да... — я судорожно соображала, как бы не переборщить в диагнозе, — ... голова.

— Викуль, уложи ее спать, — вздохнул мой отец.

Мои надежды на то, что утром они оба свалят на работу и мне удастся незаметно сбежать из дома или детского сада, не оправдались. Макс решил, что собеседование слишком важно.

— Но у меня от волнения может голова разболеться, а она и так травмированная! — без толку убеждала я.

— А ты не волнуйся, — Макс присел передо мной на корточки и взял за плечи. — Примут — прекрасно, не примут — в обычную школу мы всегда успеем. Надюша! Считаю, что мы просто идем поболтать, в гости. Хорошо?

— Хорошо, — хмуро буркнула я, поняв, что не отвертеться, и проще уже туда сходить.

Современное и светлое здание гимназии вызвало у меня тоску: еще не хватало мне снова отучиться в школе! Какое счастье, что в мои планы это не входит.

— Здравствуйте! — Макс чуть подтолкнул меня вперед, как только мы зашли в кабинет к комиссии.

— Здравствуйте. Присядьте вот здесь, — показала ему на стул у стены. — А ты подойди сюда, — женщина в центре строго, но в целом доброжелательно смотрела на меня. — Скажи мне, сколько на этой картинке вишенок? — она показала на одну из многочисленных картинок на стене: ягодки, грибочки, машинки — в общем, все для детишек.

— Ни одной, — хмыкнула я. Что-то сразу захотелось повыпендриваться и заодно заставить Макса чувствовать себя неловко. Ага, побледнел сразу, засранец... А нечего было тащить меня сюда. Говорили же тебе, что голова болит.

Женщина нахмурилась:

— Посмотри повнимательнее. А вот это что? — она ткнула пальцем в картинку.

— Это чершня. И их тут семь. — Выглядела я уже нагло и захотелось смягчить, поэтому я пояснила: — Вишня темнее.

Учителя сразу заулыбались, а главная экзаменаторша даже не обиделась.

— Хорошо, молодец. Расскажи нам какое-нибудь стихотворение.

Нахмутив лоб, я пыталась хоть что-то сообразить. Макс на своем стуле изошелся весь, губами суфлируя мне «Ехали медведи на велосипеде».

А, сам ты медведь! Я вскинула голову:

*Мы двадцать лет — почти всю жизнь! — с тобой дружили,
Порой мне кажется, что ссора — страшный сон.
Сейчас проснусь — и сразу же исчезнет он.
А, может, сон был в детстве? Мы ли это были?*

*Вдруг, загляв с моей девчонкой, ни за что,
Ты говоришь, что больше мы с тобой не дружим,
И видеть боль мою тебе совсем не нужно,
Тебе и смерть моя была бы нипочем.*

*О, нет, Макс, я не буду бить тебя и спорить,
Оставим это все отпетым дуракам.
Мне просто невозможно мысли перестроить,
Гораздо проще пить пойти по кабакам.*

*Сложно после боли вспоминать о хорошем
И так легко плохое в сердце воскрешать.
Но как забыть тому, кто «лучшим другом» брошен?..
Когда же, наконец, я научусь прощать?..*

*Я вновь вдруг не могу смотреть на ваши лица,
И сердце будто только сегодня избито.
Эх, сейчас бы мне, память вырубив, напиться...
И ничто не прошло, и ничто не забыто.*

*А впрочем, уже все равно. В конце концов,
Все рассуждения глупы и бесполезны.
Вы оба мне сейчас совсем неинтересны.
Не стоило держать среди друзей врагов.*

Макс смотрел на меня широко распахнутыми глазами. Я мельком довольно подумала, что ради такого его взгляда можно было потерпеть и ненавистную роль его ребенка, и этот дурацкий никому не нужный экзамен.

Комиссия, казалось, тоже была озадачена:

— А кто автор? Как называются стихи?

— Константин Лазарев, — на этих словах Макс, к моему удовольствию, еще раз вздрогнул, — ... ммм... без названия.

— Стихи, конечно, не по возрасту... — нахмурившись, пробормотала одна из учительниц, строго глянув на моего и без того шокированного отца. — Но читала хорошо, — она ободряюще мне улыбнулась.

Домой мы ехали молча.

— Где ты прочитала эти стихи? — наконец, спросил Макс перед самым домом, нервно постукивая пальцами по рулю.

Я пожалала плечами:

— В интернете.

Он вздохнул и зарулил во двор.

Следующие три дня, к моему глубокому разочарованию, они на работу не ходили и не отпускали меня ни на шаг. Честно говоря, я уже подумывала сбежать ночью через окно.

Я пыталась найти что-то о смерти Кости Лазарева в интернете, но, поскольку речь не о звезде шоу-бизнеса, мои поиски ничем не увенчались. Мне просто необходимо было вырваться из-под родительского надзора, найти ту свою семью, дом, могилу, в конце концов. Хотя бы узнать дату смерти, чтобы в тот день сидеть в каком-нибудь бомбоубежище и не высовываться.

Макс зашел в свой кабинет, как раз когда я собиралась смыться.

— Что ты здесь делаешь? — он недовольно поднял брови. — Надя, у тебя есть свой компьютер, и не надо больше залезать в мой. Хорошо?

— Да он атрофированный, — буркнула я. — Кроме пары сайтов с играми никуда не зайти. Это в принципе оскорбление — называть ту розовую погрешку компьютером.

— М-да? — Макс прищурился. — И куда же ты хочешь зайти? — с этими словами он наклонился к экрану и вздрогнул, увидев страничку поискови-ка с забытыми словами «Константин Лазарев», которую я не успела закрыть.

Перехватив у меня мышку, он судорожно нажал на крестик в углу. Положа руку на сердце, было до чертиков приятно наблюдать за тем, как он вздрогнул. Ага... рыльце-то в пуху...

— Надя! — он сел напротив, взяв меня за плечо. — Где ты услышала это имя?

— Я же сказала: в интернете, — пожалала я плечами, усмехаясь про себя. Ну-ну, помучайся, предатель...

— А сейчас что ты ищешь о нем? — помедлив, спросил Макс.

— Еще какие-нибудь стихи... — я задумчиво посмотрела в потолок. — Информацию о его жизни, о смерти...

— С чего это ты взяла, что он умер? — мрачно пробормотал мой бывший друг, глядя в сторону.

Вот так-так... даже не знает, что Костя Лазарев мертв?.. Ну, конечно, мы давно не друзья, но чтоб так...

— Предположила просто... — меня переполняли шок, злость и боль. Даже на моих похоронах не был! Даже о смерти не знает! — А ты полагаешь, он жив?

— Наверняка, — Макс неопределенно махнул головой. — С чего бы он умер?..

— А ты знал его, да? — я тихо наблюдала за его реакцией. Не знаю, чего хотелось. Чтобы он зарыдал и сказал что-то типа «Мы были лучшими друзьями двадцать лет, а потом я предал его! ...Как я мог!»? Возможно...

— Надюш, иди спать, — он грустно посмотрел в окно, а я, вздохнув, пошла к двери. — ...И я за-

прещаю тебе впредь подходить к моему компьютеру! — строго донеслось мне в спину.

— Слушай, а тебе на работу не пора?! — неожиданно даже для себя заорала я, развернувшись. — Что вы оба сутками дома сидите который день?! У вас деньги сами по себе, на деревьях растут?!

У него отвисла челюсть.

— Ты как разговариваешь с отцом? Избаловалась совершенно!

На крики прибежала Вика:

— Что за шум у вас тут?

— Да твоё порочное воспитание! — бросил он, мрачно вставая. — Хотели ребенка после травмы дома подержать хоть несколько дней, я едва с работы вырвался, чтобы с ней побыть, а оказывается, ей не терпится от нас избавиться! Тебе в детский сад захотелось? — прищурился он.

— Я бы лучше посидела дома одна, — скрестив руки на груди, парировала я. — Но можно и в детский сад.

— Отлично! Завтра туда и отправишься! И только попробуй мне зануть перед входом!

— Не дожدهшься, — послала я ему холодную улыбку и, оставив их в полном ошеломлении, убежала к себе.

По большому счету, он удивлял меня своей мягкостью как отец. Родители Кости давно бы уже достали ремень. Впрочем, может, просто чувствовал, что со мной (по крайней мере, теперь) такой номер не прокатит: самого хлестану так, что мало не покажется, а потом еще засуну этот ремень ему в задницу.

Следующим утром Макс молча отвез меня в детский сад. Все дети уже играли на улице, поэтому провожать меня необходимости не было: он просто подрулил во двор.

— Надя! — окликнул он меня из машины, когда я была уже на полпути к моей группе. — Веди себя хорошо. Ладно? — вздохнув, он проводил меня взглядом.

— Не вопрос, — послал ему ледяную улыбку, я направилась к воспитательнице и детям и добавила себе под нос: — Катись уже.

Сбежать из детского сада, имея опыт взрослого человека, оказалось делом несложным. Одна воспитательница на два десятка детей — да у нее физически не хватит глаз уследить за всеми. Так что буквально через полчаса я шла к ближайшей автобусной остановке.

Как я и подозревала, в моей квартире жили чужие люди. А вот в родительском доме надеялась застать... хоть кого-нибудь из близких. Что я им скажу и кем представлюсь, честно говоря, пока не думала. Главное — увидеть.

— Девочка, тебе чего? — незнакомая женщина, явно оторванная мной от домашних дел, смотрела на меня с оттенком беспокойства, ища глазами взрослых.

Я вздохнула:

— Здесь раньше жила семья... Лазаревы. Вы не знаете, где они сейчас?

— Уж лет шесть, как мы сюда въехали... Понятия не имею. Да и мы у посредников дом покупали. — Но, посмотрев на мое помрачневшее лицо, сжалилась и напрягла память: — Впрочем... вроде риелтор говорила тогда, что предыдущие хозяева уезжать за границу собрались. Горе у них какое-то случилось, так что все спешно продавали и уезжали. Но подробностей уж точно не знаю.

— Ясно... — понуриив голову, я медленно пошла прочь от родного дома.

— Девочка! — донеслось мне вслед. — Почему ты здесь одна бродишь? Тебе сколько лет?

— Много... — махнула я рукой, не оглядываясь, а потом побежала: надо успеть еще в одно место, пока эта добрая самаритянка не вызвала полицию или органы опеки.

Последним пунктом моих надежд было кладбище. Всех в нашей семье хоронили рядом, так что не должно быть трудно отыскать собственную могилу.

Как только я села в очередной автобус, впервые зазвонил сотовый. Макс! Послав его словом, от которого все вокруг сидевшие взрослые поморщились и выразительно посмотрели друг на друга взглядом, в котором читалось «Чей ребенок? Займитесь воспитанием!», я нажала «отказать» и отключила звук.

У входа, как и прежде, старушки продавали цветы, но денег у меня не было. Впрочем, не идти же с пустыми руками, да и, благо, лето, так что я просто нарвала ромашек.

Могилы бабушек и дедушек были на месте, но в совершенно запущенном состоянии. Поставив немного и положив букеты, я пошла по рядам, смотря на памятники. И через пару метров застыла как вкопанная, глядя на собственное улыбающееся лицо. Ну, конечно, не совсем собственное: лицо Кости Лазарева.

Меня прошиб озноб. Одно дело осознавать, что ты ищешь свою могилу, а совсем другое — стоять рядом с ней. Вот здесь под землей лежит мой труп, посиневший и изъеденный червями... от таких мыслей к горлу подступила тошнота, и я плюхнулась без сил на ближайшую скамейку. Еще, честно говоря, в голову лезли всякие глупости, типа «и зачем весь последний месяц надо было ежедневно пропадать в спортзале, если все равно тело окажется тут».

Я не заметила, сколько просидела так. И не сразу услышала приближающиеся шаги и взволнованный окрик:

— Надя!

Подбежав, Макс сел на корточки и схватил меня за плечи:

— С тобой все в порядке? ...Господи, что ты здесь делаешь? — на его лице выразалась такая мука, что впервые стало его жаль.

Я вздохнула и тихонько вырвалась:

— Надо положить цветы, — с этими словами я пристроила последний букет возле памятника.

Когда я оглянулась, его лицо было мертвенно бледным под стать месту, где мы находились. Он неотрывно смотрел на фотографию и едва шевелил пересохшими губами:

— ...седьмое ... июля ... две тысячи тринадцатого... семь лет назад... семь... лет... назад... Господи... Костян...

Теперь у него подкосились ноги, и он практически упал на скамейку.

Вздохнув, я села рядом. Макс медленно приходил в себя, а на меня напал новый приступ озноба: я только сейчас прочитала дату смерти, а ведь это тот самый день! Тот самый день, на детской площадке!

Из шока моего так называемого отца вывел телефонный звонок. Словно очнувшись, он резко вытащил из кармана пиджака сотовый:

— Да! Викуль, я ее нашел, все хорошо... — но продолжал он смотреть на памятник, а во взгляде отражалась такая боль, что я почти узнала прежнего Макса, лучшего друга, который только так и мог бы смотреть на мою могилу. — Ты знаешь... тут... — он сглотнул, — Костян умер. Давно уже. Семь лет назад.

Я не слышала, что отвечала ему Вика, но его лицо снова исказилось и, сгорбившись, он мрачно смотрел в землю.

— Да... я слушаю, слушаю... — через пару минут отозвался он. — Да, мы выезжаем сейчас, через полчаса будем.

Только в машине он вспомнил, что его шестилетний ребенок неизвестно отчего поперся на кладбище, сбежав из детского сада.

— Что ты там делала?

Хотелось огрызнуться «не твоё дело», но он немного растрогал меня реакцией на мою смерть, так что я решила не хамить:

— Отдавала дань памяти... любимому поэту... — звучало глупо, но наглость — второе счастье. Такие вещи главное говорить дерзко и уверенно.

В конце концов, почему бы и нет?

— Какой поэт! Он экономист! — глаза и руки Макса не могли ни на чем остановиться.

— И поэт. Любитель. ...Слушай, ты не мог бы вести аккуратнее?

— Да. — Он взял себя в руки и повысил голос, глянув на меня: — А ты пристегнись!

— У меня с детства аллер... ладно, ладно... — я пристегнулась и отвернулась к окну. Впрочем, ненадолго: меня тоже занимал один вопрос. — Как ты меня нашел? ... так быстро.

— Через камеры, — он пожал плечами, махнув рукой в сторону остановки, мимо которой мы проезжали.

Присмотревшись, я заметила, что на каждой остановке и впрямь висели видеокмеры.

— Вау... И где можно просмотреть их записи?

— На любом мониторе рядом с ними, — с досадой пояснил Макс, думая о своем.

— Со всех камер сразу или с каждой по отдельности?

— Зачем по отдельности? — он наморщил лоб, напрягаясь от моих вопросов, потому что мысли его были заняты. — Со всех. Вместе. Сразу. Любые записи.

Эх, жаль, что в день моей смерти такого еще не было.

Благодаря шоку Макса побег сошел мне с рук. Нет, мне, конечно, и так было совершенно наплевать на их реакцию, и наказывать себя я уж точно не позволю. Но все-таки я была рада отсутствию криков и объяснений.

Как только мы вошли в дом, Вика обняла мужа, и они сели тут же, на диванчике в прихожей. Макс, похоже, не в силах был сейчас куда-то двигаться. Громко протопав в направлении своей комнаты, я, сняв туфли, тихо вернулась, затаившись за углом.

— ...Прости, я не знала, как тебе об этом сказать... — почти шептала Вика, обнимая моего бывшего друга.

— Когда ты узнала? — в его глазах теперь появились слезы, которые он судорожно смахнул.

— Я тогда на пятом месяце была... родителей его встретила случайно... на улице... седых как белый снег... — она с болью посмотрела на стену, а затем уткнулась лицом в его плечо.

— Они сказали, как он умер?

— ДТП... как обычно... не пристегнулся...

— Ну, да. Конечно. — Он снова вытер ладонью глаза и встал. — Я всегда ему говорил, что он так кончит.

Ну, хоть какая-то информация! Я была почти готова расцеловать Вику. Это же так просто: один день не садись в машины — и все! Я на цыпочках убежала к себе, пока меня не заметили, да и, собственно говоря, я уже услышала главное.

В волнении я мерила шагами свою комнату. Что теперь? Обратно в Костину жизнь, на ту детскую площадку — и бегом домой и не вылазить целый день?

В тот момент меня ждет клиент, и успеть к нему можно только на машине, ну да Бог с ним. Неужели то самое такси меня подвело? Или вечером, по дороге домой? А... какая разница!..

Я настроилась на Костю. Привычный и уже такой родной туман почти закружил меня, но в этот момент, бросив взгляд в окно, я заметила, что дом напротив горит.

И первая мысль — позвать на помощь, звонить пожарным, тушить... — смешалась с закружившим еще сильнее туманом.

— Пацаны, я кому сказал «не мешаться»! — прикрикнул на ходу пропахший дымом пожарный с испачканным лицом и побежал к горящему дому.

— Но мы тоже можем помочь! — просительно закричал ему вслед стоящий рядом со мной Макс, но мужчина уже не слушал.

Через силу преодолевая шок, мне удалось повернуть голову вправо...

Это был Макс!.. Мой лучший друг! Двенадцатилетний! Черт подери, я помню этот пожар у соседей!..

— Это не честно! Он даже не слушал! — топнул ногой мой друг. — А мы можем, между прочим, в форточку пролезть, в отличие от них!

Он так и собирался сделать, но, придя в себя, я автоматически удержал его за рукав.

— Да забей, они вон почти потушили уже. ...К тому же нас там сразу поймают и по задницам надают, а ты еще ожог на руку получишь.

— С чего это ты взял?

— Третий глаз открылся, — буркнул я. Не объяснять же ему, что у меня есть память и тридцатилетнего Кости.

— Сам же первый кричал «Бежим пожар тушить», а теперь сачкуешь!

Однако в этот момент мне словно живот скрутило. Не физически, нет. А словно как-то... страшно стало, и все сжалось внутри.

Мое лицо исказила гримаса боли, и, присев на корточки, я схватился за живот, недоумевая про себя, как он может так «болеть не физически».

— Костька, ты чего? — казалось, он колебался: волноваться за меня или обвинить в трусливом притворстве. — Съел что-то не то? — похоже, волнение победило, поскольку он участливо присел рядом.

Меж тем, пожар был окончательно потушен, а боль в центре живота ушла, словно ее и не было. Вот только не покидало ощущение неправильности происходящего.

И вдруг меня словно холодом обдало осознание того, что Макс должен был сейчас получить ожог.

— Черт! — заорал я и, вскочив и схватив за руку Макса, помчался вокруг дома, ища хоть какие-нибудь остатки огня.

Но ничего уже не горело.

— Слушай, ты белены объелся? — вяло сопротивлялся на бегу тот. — Все! Потушили уже, поезд ушел...

Я остановился на заднем дворе и схватился за голову:

— Надо... поджечь... я сейчас... спички... — я сделал пару шагов в направлении своего дома, но он схватил меня за куртку.

— Ты дурак?!

Да... что это я... чуть не поджег едва спасенный дом соседей. Вдохнув, я плюхнулся на крыльцо.

С подозрением посмотрев на меня, Макс присел рядом.

— У тебя что — пожарофобия? Хотя нет, скорее, пожаролюбия... — он хмыкнул.

Помолчав, я размышлял о последствиях. Макс был здесь пацаном совсем, и я как-то автоматически удержал его от глупости, а теперь...

— А ты серьезно хочешь стать музыкантом, Макс?

— Ага, — кивнул он.

— И если ты вдруг завтра завалишь свой отчетный концерт, то будешь в следующем году пробовать снова?

— Не-а, — он помотал головой. — Все настоящие шансы даются в жизни один раз. Или пан или пропал — вот так. Но ты не думай, — он слегка толкнул меня плечом, смеясь, — у меня там просто нет конкурентов!

— Ну, да, точно...

Конкурентов у Макса не было. Он был лучший гитарист из всех, кого я знал. Завтра он займет первое место, и жизнь пойдет по совсем другому руслу... Кто знает, до чего дойдет... Может, и Нади-то никакой не будет.

— А ты бы хотел изменить что-нибудь в своей жизни, если бы мог?

Не знаю, что заставляло меня еще сидеть вот так, рядом с ним, и болтать о чепухе. Наверно, просто соскучился по этому Макс, тому, который друг и не предавал. К которому у меня не было злости и обиды.

— Ты дурак? — второй раз за вечер спросил он. — Если что-то случается, значит, так должно быть.

Я хмыкнул. Он мне напомнил этим папу Риши. Только у Макса-то откуда такой философский настрой?..

И, вспомнив старого индуса, мне что-то безумно захотелось его повидать. Устал я до чертиков разгребать причины собственной смерти и все эти семейные проблемы с бывшими друзьями. И я погрузился в спасительный туман.

— Перемещалась? — папа встал со стула и взял меня за плечи. Какое счастье снова оказаться в его кабинете!

— Да... — осознание себя порой наступало медленно. — А как это выглядит со стороны, пап?

Он пожал плечами:

— Взгляд стеклянный, словно сейчас в обморок упадешь, — а затем серьезно посмотрел мне в глаза, — Амрит, что ты натворила?

— С чего ты взял?..

— У тебя солнечное сплетение пульсирует до сих пор от ужаса, — он махнул ладонью на мой живот.

— Ты знаешь, откуда была такая боль?.. — я схватила его за руку. — Но ведь боль была у Кости. Почему она у меня сейчас? Ты же сам сказал, что физическое тело не перемещается...

— А это и не физическое тело болит, а энергетическое.

— Но как ты это заметил? Боль...

— А это уже моя судьба — видеть, — чуть улыбнулся он. — Не отвлекайся от темы. Ты меняла что-то в жизненном пути людей?

— Да... — тяжело вздохнув, я села на стул. — Но почему больно именно сейчас?.. Ведь всякий раз при перемещении все идет немного не так, как было. Я говорю другие слова, могу зарулить совсем в другую сторону...

— Это мелочи, Амрит. — Он сел рядом. — На самом деле и от них твое солнечное сплетение немного сжимается, потому что бессознательно тебе страшно. Просто ты этого не чувствуешь: не так тотальны эти изменения.

— Но... что же теперь делать? Кое-что в судьбе одного человека сейчас изменилось из-за меня...

— Ничего, — папа пожал плечами. — Судя по всему, ты отделалась небольшой болью, — он махнул рукой на мой живот. — Возможно, его судьба вернется на круги своя. А, может, изменения не так велики, как тебе сейчас кажется. Увидим.

— А если... изменить что-то действительно важное? — я осторожно посмотрела ему в глаза.

— Разорвет на части, — спокойно, но сурово ответил он, строго взглянув на меня. — В лучшем случае только тебя.

— А в худшем?..

— Ох, Амрит... — папа поморщился, — просто не делай этого, вот и все. Ведь ты же почувствовала сейчас: все внутри тебя противится изменению судьбы. Не надо с ней спорить.

— Но ведь боль прекратилась! Значит...

— Значит, судьба свернула на другую дорогу и теперь все пошло по новому, снова нормально, руслу! А больно тебе, так сказать, на поворотах. Но если поворот слишком крутой... — папа многозначительно посмотрел на меня, — не выживешь, дочка.

Обняв старого индуса, я решила переместиться еще разок в Надю: просто проверить, существует ли она после того, что произошло на пожаре.

Надя существовала. И дом со всеми вещами находился на прежнем месте, разве что теперь чуть ли не в каждой комнате висело по гитаре

на стене, даже одна маленькая лежала в моей детской. А, выйдя на цыпочках в коридор, я вновь услышала сдавленные голоса родителей.

— Он был и моим другом тоже... — шептала сквозь слезы Вика. — Я не знала, как тебе об этом сказать...

Что ж, похоже, все вернулось на круги своя. Облегченно вздохнув (все-таки это могло и на Костиной жизни сказаться), я тихонько шмыгнула обратно в свою комнату.

Снова походив из угла в угол, я все же решила действовать по плану. Да, на поворотах больно! Ну и пусть... Уж лучше пусть меня совсем не будет, чем жить в семье этих предателей. Только сопли горазды пускать *post factum*! «Он был моим другом тоже!», «Не знала, как тебе сказать!», «Ох, Костян!..». Тоже мне, друзья...

Я кивнула самой себе, садясь на стул: значит, решено. Сейчас перемещаюсь в Костю, возвращаюсь в квартиру и сижу сутки, не высовываясь.

На столе передо мной лежал мой атрофированный розовый ноутбук-«погремушка». А если что-то не получится? Если не выживет Костя? Поколебавшись, я включила компьютер. Все может сильно измениться. Кто знает... вдруг я вообще не буду помнить другие жизни? И что же — оставить Надю в неведении? Ну уж нет. Пусть знает, кто ее «родители».

«...он просто так, на ровном месте, без каких-либо подлых поступков с моей стороны, сказал, что мы больше не друзья. Мы всю жизнь с ним дружили, за одной партой сидели, были как братья! А тут... из-за девчонки... Боялся просто, что если мы с ней будем видеться, то вспыхнут снова чувства. Вот и решил удалить меня из своей жизни. Предатель».

Мое письмо самой себе было почти готово, когда в комнату зашел Макс. Я повернулась к бывшему другу, захлопывая на всякий случай ноутбук. Он молча присел на мою кровать и опустил голову в ладони, смотрит в пол невидящим взглядом.

«И чего зашел? Помолчать больше негде?» — недовольно подумалось мне, хотя, казалось, нас обоих мучило желание что-то сказать, но словно конкретные слова еще не созрели.

— Тебе чего? — грубовато буркнула я, не выдержав напряженного молчания.

Он поднял на меня полные муки глаза:

— Да хоть немного понимания, Надя! Ты не маленькая уже, осенью в школу пойдешь, а не можешь хоть на секунду встать на место родителей! Я сегодня... — казалось, он едва сдержался, чтобы сказать это спокойно и тихо, — узнал, что у меня умер лучший друг. Мы с ним... были как братья. Всю жизнь за одной партой сидели. Все секреты друг другу доверяли. — И, снова уронив голову в ладони, он уставился глазами в пол.

Я мысленно хмыкнула. Во-первых, словам «братья» и «лучший друг» из уст этого засранца, не знающего, что такое дружба. А, во-вторых, тому, какой же он все-таки «милый» папаша. Ведь явно же пришел отчитать за побег. Костин бы отец достал ремень, выпорол и ушел уже смотреть телевизор. А этот сидит и нудит: «Пойми ты меня... ну, пойми ты меня...». И тут я с холодком, пробежавшим по спине, подумала, что Костя мог только мечтать о таком воспитательном процессе и таких родителях. Я заерзала на стуле. Черт подери! Уж не захотелось ли мне родиться у них? Ну уж нет!

— Ты хоть представляешь, какой ужас испытывают родители, когда их ребенок убегает один неизвестно куда? — поднял голову Макс, преры-

вая затянувшуюся паузу. — А если бы мы с мамой уехали куда-то и ты не могла нас найти?

Вот тут я захохотала. Я сижу, мечтаю от них избавиться, а он... Я смеялась до икоты, пока он багровел.

— Ну, ладно, ладно, ладно!.. — прервала я и свой смех, и его грозящиеся вылиться на меня эмоции. — Я осознала, — изо всех сил постаралась я сделать серьезное лицо, — и больше сбежать никогда не буду. А что за друг у тебя умер? Костя Лазарев? — попыталась я перевести тему. Лучше пусть говорит ересь про нашу «дружбу», чем отчитывает.

Уловка удалась, боль вновь исказила его лицо.

— Да... Костя. Лазарев. ...Твой любимый поэт, — на миг грустно улыбнулся он, но тут же в глазах снова блеснули слезы. — Я даже не был на его похоронах. Не знал, как он умер. Если бы я мог хотя бы поговорить с его родителями... хоть с кем-то... — казалось, он забыл, что говорит с ребенком.

— То что — тебе бы стало легче? — возникла у меня интересная идея, которую мне было бы сложно реализовать одной.

— Да. В чем-то. — Он пожал плечами.

— Мы можем найти водителя, который был за рулем в момент ДТП. Если он жив, конечно. Узнать, как умер Костя. Хочешь?

Хорошо, конечно, что я знаю дату и причину своей смерти, но чем больше подробностей, тем надежнее. Лучше все узнать, прежде чем перемещаться в Костю и подстилать роковую соломку. Вдруг ошибешься.

Макс посмотрел на меня с грустной улыбкой и вдруг встал и, подойдя, крепко обнял меня.

— Спасибо, малыш. Я знал, что ты у меня добрая девочка.

— Только ты меня с собой возьми! — я тихонько вырвалась из объятий. — Он же мой любимый поэт.

— Надюш... — он улыбнулся, присев рядом. — Да где ты найдешь его сейчас... да и зачем... столько воды утекло...

— Найти не проблема, — сразу взяла я быка за рога. — Он работал в такси «Три семерки», дату его смены мы тоже знаем — седьмое июля две тысячи тринадцатого. ...Это из интернета, из интернета! — добавила я, сразу ответив на его вопросительно поднятые брови. — А зачем... да разве тебе не хочется послушать очевидца о последних минутах жизни твоего лучшего друга? Хотя как-то помянуть его, так сказать?

Макс вздохнул. Наверно, он понимал бессмысленность этой затеи, но, с другой стороны, мне слишком хорошо был известен такой сорт людей вообще и мой бывший друг в частности: не желая совершать реальных действий ради близких людей, они потом очень долго онанируют свои извилины, вспоминая, рассказывая, слушая про погибшего, и чувствуют при этом себя чуточку легче. Типа что-то сделал.

Так что сам, наверно, не понимая, зачем, Макс все же набрал номер «Трех семерок» (к счастью, существующих до сих пор), и даже таксист оказался живым, невредимым и верным своему рабочему месту.

Нам открыл полненький бородатый мужик лет пятидесяти, в майке и старых трико.

А после того, как Макс представился, он молча пропустил нас в грязноватую квартирку, достал второй стакан (один уже стоял на столе) и налил водки из стоящей у дивана бутылки себе и моему отцу.

— Поверишь ли, единственный смертельный случай у меня, — водитель и с утра-то явно уже был подвыпивший. — Как сейчас помню этого парня. Я и сам потом два месяца в больнице провел, а он... — мужик махнул рукой, — насмерть, сразу.

— А почему... ну... случилось ДТП? — влезла я. Хозяин квартиры очумело посмотрел на меня, словно только сейчас заметив.

— Ну, по встрече, может, выехали, обгоняли или что?

— Ну, обгонял я, обгонял! — как-то болезненно закричал он. — А кто не обгоняет? Покажи мне такого! Ничего бы не случилось, если б он пристегнулся! Даже родители его так и сказали!

— Да никто Вас не обвиняет... — сам стараясь успокоиться, вставил Макс.

Таксист выпил залпом еще рюмку и, разведя руками, добавил:

— Я сказал ему: «Ты б пристегнулся», а он мне: «У меня с детства аллергия на ремень». Ну, посмеялись да поехали. Мне недосуг каждому клиенту речи читать о мерах безопасности.

Домой мы ехали молча. Каждый думал о своем. Ох, что-то от Надиной жизни я устаю быстрее всего, так и хочется отсюда смотаться. В общем-то, можно уже перемещаться в Костю, вся информация о смерти у меня есть. Но словно что-то мешало сделать решающий шаг. Страх перед «поворотом»? Возможно...

«Хоть обнять надо Ангелику и Клеменса перед всем этим. А то мало ли чем закончится...» — подумалось вдруг, и, не откладывая в долгий ящик, я прямо в машине настроилась на Маркуса.

Но повидаться не удалось. Еще на входе показалось странным, что дверь не заперта. Мы всег-

да закрывались на все замки, даже выходя на пять минут к соседям: бывшие приятели, а теперь лютые враги не давали мне начать новую жизнь, поэтому то и дело мне с семьей приходилось срывать-ся с места и уезжать.

— Ангелика! — уже всем сердцем ощущая неладное, я ворвался в дом и тут же почувствовал запах крови.

А потом увидел их. Обоих. Двух моих ангелов: Ангелику и Клеменса. Лежащих на полу со струйкой крови у горла. Мне оставалось только надеяться, что их убили мгновенно.

— Ну, что, Маркус, свинья, поговорим?.. — услышал я противный скрипучий голос за спиной и почувствовал нож у лопаток.

Мне уже было все равно, что со мной сделают. Умерло что-то внутри, вместе с теми, кого я любил.

А, с другой стороны, я чувствовал, что не должно пропасть то, что Ангелика сделала для меня. Не должен я снова стать зверем, единожды превращенный ею в человека.

— Убей меня, Горбатый, давай уже, — тихо прошептал я и, зажмурившись, как-то автоматически настроился на Амрит. Наверно, инстинкт самосохранения спас психику от предстоящей чудовищной боли. Ведь я знал: меня-то они быстро не убьют, растянут удовольствие.

Странно, но туман привел меня не в отцовский кабинет, где мы расстались последний раз с папой Риши.

Я стояла босиком на горячем песке, на мне было голубое сари, волосы выросли сантиметров на двадцать, а вокруг дрались люди. Кто холодным оружием разного формата, кто первым попавшимся под руку предметом, а иные и руко-

пашную. Выходит, эмоции смерти привели меня к смерти?

Воспоминания Амрит нахлынули и застучали в висках: в городе уже пару месяцев было неспокойно, то и дело случались волнения.

Что ж мне так не везет-то и я везде умираю во цвете лет?

— Амрит! — измазанный в грязи и крови Викрант подбежал ко мне и, схватив за руку, потащил прочь от основного побоища.

— Стой! погоди! Викрант! Да стой же! — я вспомнила, что здесь где-то должен быть отец. — Где папа?

— Он умер, — на бегу бросил Викрант. Если бы я не знала своего брата, то подумала бы, что ему все равно. Но я видела, что его сердце обливается слезами, просто сейчас не время для слез. — Как и говорил. Он был прав. Он всегда прав. А я уведу тебя к тете, как ему и обещал.

Нет... Нет!! Ничего не соображая, я бежала за братом, тянущим меня за руку. Воспоминания опять складывались, как картинки мозаики: вся семья погибла две недели назад в таком же побоище, а сегодня утром отец усадил нас с Викрантом рядом с собой возле фонтана и долго прощался. Но почему он просто не увез нас отсюда заранее, если знал?! Слезы застилали глаза.

«Амрит... Амрит в двенадцать лет... там, в кабинете... ну же, давай...» — сквозь эмоции с усилием настраивалась я. Наконец, туман закружился.

— Папа! — он как раз обнимал меня, и я буквально повисла у него на шее.

— Амрит, — с растроганным смешком начал отец, но тут же слегка нахмурился, — сколько раз ты будешь перемещаться туда-сюда в течение одного разговора?

— Папа, мы должны уехать к тете в деревню!! Нас всех перебьют через два года!! — заорала я, едва сдерживая истерику.

Он на секунду устался на меня, а затем вновь усадил на стул и сел рядом:

— Я знаю. Только от судьбы не убежишь, дочка. Я об этом тебе и говорил. ...Только ты, похоже, ничего не поняла, — вздохнул он.

— То есть ты предпочитаешь умереть? Будешь просто сидеть и ждать смерти? — я чуть не задохнулась от эмоций.

— Да нет никакой смерти, Амрит. Очнись. Уж кому, как не тебе, это знать.

Он улыбнулся, а у меня по лицу текли слезы.

— Ну, и что ты плачешь? Сидишь дома, с отцом, все живы и здоровы.

— Но всего на два года!

— Или на целых два года, — улыбнулся он, — смотря как сказать. Ведь и сто лет может быть для кого-то «всего сто», а для другого «целых сто», Время — это иллюзия.

Я понимала его, точнее чувствовала, что он прав, но меня все равно душили слезы. Мне было далеко до его философского отношения к жизни и смерти.

— У меня еще одну семью перебили... у Маркуса... и его самого убьют... — редела я. — Почему все сразу так умирают?.. И Костя, и Маркус, и здесь... А Надя, которой я быть совсем не хочу, остается...

Отец ласково вздохнул:

— Значит, так надо. К тому же, скажу тебе по секрету, — он с улыбкой наклонился ко мне, — здесь тебе еще долго жить.

— Ты правда не хочешь изменить будущее? — с надеждой посмотрела я ему в глаза, всхлипнув.

— Нет, — спокойно ответил он и поцеловал меня в лоб. — Пойдем-ка. Кажется, мама звала обедать.

Папа Риши немного поколебал мою уверенность в правильности моего выбора. Но я не он! И не могу вот просто так взять и позволить умереть Ангелике, Клеменсу и Косте! Хотя бы им, если уж тут мне никого не спасти...

Так что, мысленно окрестив этот обед «прощальным», я сразу после него переместилась в Маркуса за пару часов до убийства.

— Я уйду сегодня пораньше, — бросил я на ходу своему напарнику по кузнице, разинувшему рот от такой наглости: новичок, тут без году неделя, а так кидается возможностью работы!

— Эй, сам потом будешь объясняться! — услышал я вслед и побежал к своему дому. Как же я буду счастлив, если это «потом» настанет!

— Газета, свежая газета! — перегородил мне дорогу какой-то мальчишка.

Попытавшись обойти его то справа, то слева, я, наконец, кинул ему все деньги, что были у меня в кармане, и он, радостный, отпрыгнул в сторону, пропуская меня.

Повозки, лошади, люди — все словно сговорились в этот день не пускать меня домой. Мне загоразивали путь все, кто только мог. Задерживали, спрашивали дорогу, предлагали что-то купить, сбивали с ног...

Но вот и дом. Я почти на месте.

— Маркус! Маркус, дорогой, ты не поможешь, у меня опять протекает крыша, — окликнула меня старушка из дома напротив.

Обычно я бы ни за что не отказал этой доброй душе, не раз сидевшей с Клеменсом, а в начале, когда мы только приехали в этот городок, даже

бескорыстно приютившей нас у себя. Но сейчас я просто не мог. И соседка впервые увидела мою спину, быстро скрывшуюся во внутреннем дворе, чтобы не пришлось искать слова для отказа.

Я схватился за ручку двери запасного входа, и тут меня снова скрутило. Как тогда, на пожаре. Только боль была в десятки раз сильнее. Я упал на крыльцо, не в силах ни закричать, ни двинуться с места.

Сквозь гул в ушах я слышал смех Ангелики и возню малыша, доносившиеся из дома.

— Ангелика... — тихо хрипел я, — уходи... бегите...

Но они не слышали. А время уже подходило. Я и так невыносимо долго добирался домой.

Вдруг я услышал женский крик и детский плач, и тут же все смолкло, словно ничего и не произошло. Как же так, почему так быстро? Вероятно, те силы, что тормозили мой путь домой, ускорили и дорогу Горбатого.

Боль прошла так же мгновенно, как и появилась. Я встал и, пошатываясь, вошел в дом.

Горбатый стоял над телами любимых мной людей с окровавленным ножом в руках.

— Ну, что, Маркус, свинья, поговорим? — хмыкнул он.

Молча я ждал своей участи. Мне даже некуда уже было перемещаться. На миг промелькнула шальная мысль — а не отправиться ли на пару дней, на неделю, на год назад, ведь не могут же все соседи/продавцы/начальники/лошади/собаки/кошки и прочие сдерживать меня вечно? Ведь добрался бы я вовремя, скажем, за сутки?

А потом взглянул на лица Ангелики и Клеменса и понял: нет, не выйдет. Эти два ангела даны мне были на пару лет, и они выполнили свою зада-

чу: спасли меня от меня самого. А теперь пришла пора им уйти. Доберусь я раньше до дома — доберется и Горбатый.

Не успеет он — значит, придет кто-нибудь другой. Увезу семью в другой город — значит, просто смерть настигнет нас в другой точке пространства. Ничего не изменится.

— Убей меня, Горбатый, — тихо сказал я и настроился на Надю. Не хочу я все-таки проживать ту боль, что он приготовил для меня.

Макс мрачно рулил домой. Морозящий дождь оставлял капли на стеклах, что вполне соответствовало моему настроению.

— Папа, — не знаю даже, что заставило меня так обратиться к нему. Наверно, возникло ощущение, что больше-то и нет нигде у меня дома. — А почему ты не знал о смерти Кости Лазарева, если он был твоим лучшим другом?

— Все сложно, Надюш, — вздохнул он. — Однажды ты вырастешь и поймешь, что не всегда можно остаться рядом с другом, иногда надо делать тяжелый выбор.

— И какой выбор встал перед тобой?

— Или друг, или твоя мама, — грустно улыбнулся он.

— Он что — мешал вам быть вместе? — я едва сдержала злость.

— Нет. Но мог бы помешать. Вполне. Если бы захотел. ...Твоя мама когда-то любила его. И помани он ее только пальчиком, побежала бы к нему. И не было бы ни нашей семьи, ни тебя.

— То есть ты настолько не доверял ни любимой женщине, ни лучшему другу? Решил, что стоит свести их на мгновение в одной комнате и они бросятся друг другу в объятия?

Макс мрачно нахмурился:

— Не то чтобы не доверял, малыш... Просто мне слишком дорога твоя мама. Я столько лет добивался ее, что когда она стала наконец моей, готов был пожертвовать всем на свете, чтобы не потерять ее.

Я смотрела невидящим взглядом на стену из дождя.

— И ты не мог разделить их? Так сказать, дружить по отдельности?

— А как? — он пожал плечами. — Лучший друг и любимая женщина неизбежно сталкиваются, причем довольно часто.

— Но ты мог хотя бы объяснить ему свои чувства! Сказать что-нибудь вроде «Костян, ты мой лучший друг, но я не могу допустить даже малый шанс потерять Вику. Прости меня. Ты навсегда останешься дорогим мне человеком, но мы не можем больше видеться». Ведь мог же?

Макс грустно мельком взглянул на меня через зеркало.

— Вот и Костя тоже всегда считал, что говорить о своих чувствах легко. И тебе легко. И маме твоей легко. Но так не у всех, Надя. Не мог я встать лицом к лицу с другом своим, братом, и сказать ему, что другой человек мне дороже него! Понимаешь? Не мог!

— Проще, значит, было тупо послать по смс?

— Да, проще, — кивнул Макс, подруливая к дому. А, остановившись, повернулся ко мне. — Я не говорю, что это правильно, Надюша. — Он на мгновение отвернулся, — наверно, это трусость. Я сам себя виню сильнее, чем кто-либо другой. Так хоть ты не суди, — он, грустно улыбнувшись, погладил меня по голове. — К тому же иначе не было б тебя.

— Да лучше б меня и не было! — закричала я, выбежав из машины.

В который раз за последние часы меня душили слезы. Пробежав мимо Вики и оставив их с Максом разбираться в моем поведении самостоятельно, я закрылась в своей комнате и упала на кровать лицом в подушку.

Костя плакал редко. Последний раз после той злополучной смс от Макса, а перед этим — где-то в детсадовском возрасте. Маркус не плакал в сознательном возрасте вообще: жизнь отучила очень быстро. А жизнь Амрит до последних событий была слишком спокойна, чтобы проливать на чем-либо слезы.

Но сейчас я поняла, что слезы неплохо прочищают душу и мысли. Как дождь, омывший только что тротуар.

Я перевернулась на спину и мокрыми глазами смотрела в потолок. В душе было как-то тихо и пусто. Вдруг подумалось: странно, почему мне никогда не приходило в голову, что не только Костя, но и вся моя индийская семья, и Ангелика, и Клеменс сейчас, вот в этот момент — мертвы. Если, конечно, можно вообще говорить о смерти, как правильно заметил папа Риши. И так ли важно, каков мой срок встреч с этими душами? Двадцать лет или восемьдесят? Ведь, по большому счету, всегда будет мало. И боль расставания никуда не денется.

У меня больше не было злости по отношению к Макс и Вике. Я вдруг поняла, что это их выбор свободных людей: с кем дружить, а с кем нет и каким именно способом прекращать дружбу. Да и боль в глазах Макса, его исповедь в машине по поводу Кости, наконец, тронули мое сердце. Ведь он всегда был мне другом, и мне не сложно было бы пожертвовать чем угодно ради его счастья. Скажи он мне все то же самое тогда, в той,

Костиной, жизни, и не было бы обид. Была бы боль, да. Но мне было бы легко его простить.

А точнее, и прощать бы не понадобилось.

Вздохнув, я села за стол и открыла свой смешной компьютер. Файл «Надя, прочти меня» жег глаза в центре рабочего стола. И, безжалостно удалив содержимое, я написала самой себе новое послание:

*Не суди ни ближнего, ни дальнего,
Даже если будешь им судим.
Даже в извинении прощальном
Вкус осуждения ощутим.*

*Не суди ни врагов, ни любимых,
Кто ударил, а был дорогой.
Не суди ты даже подсудимых,
Пусть их судит кто-нибудь другой.*

*Даже друга, что тебе погибнуть дал,
Не дрогнув сердцем над твоей мольбой.
Еще неизвестно, как бы ты предал,
Будучи связан его судьбой.*

*Винovat не он, а тот, кто судит,
Даже если и не думает отмицать.
Просить прощения логичней будет,
А вовсе не других людей прощать.*

Вот теперь появилось ощущение правильности происходящего. словно я перестала бороться с течением.

— До встречи, комната! — вздохнула я, оглядевшись. А потом посмотрела на дверь. — До встречи! Мама и папа.

Ну, что ж... Костя. Детская площадка.

Меня закружил туман, и спустя мгновение уличный ветерок коснулся моих небритых щек.

— Это ж надо, до чего додумались! Прыгать с качелей! А если б насмерть? — причитали какие-то женщины вокруг девочки с ссадиной на лбу.

Я обвел прощальным взглядом двор.

Впрочем, у меня не было особо теплых чувств к этому дому. Его и домом-то назвать нельзя. Холодная пустая ночлежка с современными удобствами.

Я набрал родителей.

— Что-то забыл сказать, сынок?

— Да, мам. Пусть папа тоже возьмет параллельную трубку. ...Привет, пап. Я вам должен сказать кое-что. Я... — я слотнул подступивший комок и выпалил, — ... женюсь. И мы мечтаем о сыне.

— Что?.. — родители, казалось, не могли поверить своему счастью. — Ты шутишь или всерьез?

— Но на ком?

— Вы ее не знаете, мы полгода вместе. Она чудо, она обязательно вам понравится. Ну, ладно, целую. Пока! Мы с ней забежим скоро познаться.

Я уже заметил подъезжающее такси.

И тут подумал, не слишком ли эгоистично с моей стороны так осчастливить их перед тяжелой новостью? Но мне уж очень захотелось напоследок если не увидеть, то хотя бы услышать их счастливыми.

Открыв переднюю дверь, я уселся рядом с бордачем и почти весело спросил:

— Ну, что — поехали?

— Ты б пристегнулся, — ответил он, трогаясь с места.

— У меня с детства аллергия на ремень.

Он расхохотался и нажал на газ. **УС**